

ДЖОАНИ ЭЛЛИОТТ

СМЕЛОСТЬ САРЫ ГРЕЙСОН

В переводе Марии Виноградовой

Джоани Эллиотт
Смелость Сары Грейсон

ООО "Эвербук"

2021

Эллиотт Д.

Смелость Сары Грейсон / Д. Эллиотт — ООО "Эвербук", 2021

ISBN 978-5-00-580334-4

Мать Сары Грейсон — одна из самых известных писательниц на свете — умерла, когда весь мир с нетерпением ожидал выхода её финальной книги в серии бешено популярных детективов. В завещании говорится, что закончить всемирно известный цикл и написать последнюю книгу должна сама Сара, которая зарабатывает, придумывая поздравления для открыток и слоганы для скидочных купонов. Сара в шоке — свалившаяся на неё ответственность непомерно тяжела. Сара не может позволить себе сомнения, ведь на кону слишком многое: именно поэтому она буквально скована сомнениями и страхами. Но ей придётся набраться смелости и взяться за дело, и тогда мир узнает, на что на самом деле способна Сара Грейсон. Она напишет роман, найдёт новых друзей и узнает много нового о самых, казалось бы, близких ей людях. Этот легкий и уютный роман затрагивает важнейшие темы: как важно верить в себя, как нелегко найти смелость прислушаться ко внутреннему голосу и противостоять скептикам, какие сложные отношения связывают нас с родными, и как мы можем заблуждаться на их счет.

ISBN 978-5-00-580334-4

© Эллиотт Д., 2021
© ООО "Эвербук", 2021

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	31
Глава 7	34
Глава 8	40
Глава 9	47
Глава 10	50
Глава 11	54
Глава 12	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Джоани Эллиотт

Смелость Сары Грейсон

*Марку,
который читал каждое слово и всегда верил
Я слышу, как в моей душе бьются несбывшиеся мечты.*

Джой Харджо

Часть первая

Глава 1

*Писательство – это не жизнь,
но иногда может стать возвращением к жизни.*

Стивен Кинг

Сегодня – никаких срывов при виде еды. Поэтому она решительно отправилась прямоком к вафлям. Настоящим бельгийским вафлям из дрожжевого теста, без дураков. Она уже съела две штуки. Горячие подрумяненные вафли с нутеллой, клубникой и ванильным мороженым. Бывает время избегать искушений, а бывает – медленно и методично их пережевывать. Кроме того, уж лучше жевать, чем вести светскую беседу, хотя не то чтобы кто-нибудь рвался вести с ней светские беседы. Все собрались тут ради Эллери – и Эллери была *везде*.

Вырезанные из картона изображения Эллери с семейством в натуральную величину красовались рядом с бельгийским флагом и охапками ярко-красных маков. Поскольку семья Эллери квартировала в посольстве в Брюсселе, выбор оформления был напрашивающимся, но до боли неоригинальным. С высокого потолка свисали элегантные черные и золотые гирлянды. По центру комнаты, на стойке «Нойхаус шоколатье», висела пирамида пралине, трюфелей и медалек из черного шоколада с выгисненными на них портретами Эллери. Потоки бельгийского пива струились из пивных кранов в кружки с цитатами из Эллери о дарах, возможностях и прочей белиберде.

Запредельный уровень почестей для той, кого на самом-то деле никогда не существовало.

Сара развернула шоколадную Эллери и быстро откусила ей голову. Она когда-то прочла, что ровный скол – признак высококачественного шоколада. Она немножко подержала голову во рту, чтоб подтаяла, а потом прожевала и проглотила. Развернула следующую. Откусила еще несколько голов, оставляя на тарелке горку недоеденных торсов. Ее психотерапевт, Сибил Браун-Бейкер, вероятно, диагностировала бы это как пассивную агрессию. За триста долларов в час.

Или перенаправленный гнев?

Сибил Браун-Бейкер на прошлой неделе прислала ей по почте брошюру «Как мы перенаправляем чувства обиды и стыда». Сара прочитала ее от корки до корки и на следующий день вернула обратно с редакторскими замечаниями, совершенно бесплатно: злоупотребление точкой с запятой, отсутствие соединительного союза, незаконченные предложения.

Недаром же она учила первокурсников английскому.

Вернее, в смысле заработка – почти даром.

Пока что.

Зато подработка для фирмы «Душевные Открытки Интернейшнл» явно шла в гору. Сарины работы всем страшно нравились, у нее прямо талант к открыткам для онкобольных, и не пришлет ли она еще?

Джаз-банд мучительно медленно перепевал хиты Майкла Бубле. Сара развернула очередную шоколадку. Ее старшая сестра Анна-Кат помахала рукой от столика с вафлями. Она весело болтала со сценаристом, с которым сама Сара успела познакомиться чуть раньше.

Это уже десятого фильма премьера? Или одиннадцатого? Мамы нигде не было видно. Должно быть, все еще общается с репортерами.

По крайней мере, с хождением по залитому светом искусственных факелов красному ковру – при всех нешуточных рисках споткнуться – было покончено. Фанаты, как нанятые,

выкрикивали имя их матери – «Кассандра Бонд!» – и тянули из-за ограждения книги про Эллери Доусон на подпись. Неужели не знают, что на электронной книге можно сэкономить три доллара и девяносто девять центов?

А вот мама, судя по всему, ничего против не имела. Сегодня вечером она щеголяла в красном шелковом платье от «Версаче», а темные волосы убрала в свободный элегантный узел на затылке. Никаких там авторш-домоседок в тренировочных штанах – скорее кинозвезда, решившая вдруг написать книжку-другую.

Сара поправила свое платье – серое, с открытыми плечами, без бретелек. Вообще-то предполагалось изумрудно-зеленое, но, когда она забирала заказ, выяснилось, что произошла ошибка, а менять было уже поздно. Продавщицы наперебой уверяли, что в сером платье проскальзывают мерцающие розоватые тона и что она будет выглядеть «сногшибательно».

Но нет.

Сара деликатно почесала голову сбоку. Ее волосы, такие же темно-каштановые, как и у матери, были уложены замысловатой ракушкой и щедро намазаны дорожным средством для волос с запахом жирного глинозема. Судя по всему, благоухать кокосом было уже не в моде, в моде было благоухать грязью.

Девушка по имени Вероника, с блестящими губами и накладной мушкой на щеке, предложила забрать у Сары тарелку. Официанты в «Китайском театре Граумана» отбирали у гостей тарелки прямо-таки с неусыпным рвением. Еще они имели обыкновение остановиться напротив и впиться в твое лицо глазами, прикидывая, а вдруг ты заметная фигура в съемочной группе – ну то есть, *не актер ли ты часом*. Сара в ответ придумывала для себя разные роли. Приподнимала бровь, многозначительно кивала и шептала «Главарь мафии» или «Укротительница питонов».

Проходя мимо столиков с морепродуктами, она взяла новую тарелку и съела еще пять шоколадок. Подмышки чесались после тупой бритвы, уголок рта щипало от выскочившей некогда простуды. Сара съела несколько креветок. *Просто порадуйся за маму*. Скоро все кончится и можно будет поваляться в горячей ванне и досмотреть «Большую гонку автокухонь». Она задумалась, кто победил бы – тако с сомом или карри с жаренной на гриле махи-махи, как вдруг какая-то женщина с размаху задела рукой ее красную пластиковую тарелку. Креветочный хвост взлетел в воздух и скользнул в вырез платья Сары, аккуратно в ложбинку между грудями.

Она выпрямилась, ощущая холодок в месте расположения хвоста, тарелка с глухим шмяком упала на пол. Сара разгладила платье и попыталась непринужденно улыбаться, пока официант по имени Колин собирал разбросанную фольгу, шоколад и креветок. Сгрузив все обратно на тарелку, он собрался уже уходить, как вдруг застыл как вкопанный перед высокой блондинкой, стоявшей рядом с Сарой. На лбу у него выступили бусинки пота, он рассеянно сунул тарелку с мусором обратно Саре. Он явно витал в каком-то другом мире, и Сара внезапно поняла почему.

Шер Фокс.

Первая пятерка самых высокооплачиваемых актеров, звезда сегодняшней премьеры; Эллери Доусон.

Сара отметила, что в реальной жизни Шер выглядит лучше, чем в виде шоколадки. Насчет себя она подобной уверенности не испытывала. Шоколадкой она, возможно, была бы краше. Если бы ее когда-нибудь решили отлить в шоколаде. Что очень вряд ли.

Сара засмеялась чуточку нервным смехом. Грудь у нее была заляпана креветочным соусом. Она поискала взглядом свою салфетку. На ней стоял Колин.

Шер прижала руку к сердцу.

– Простите ради бога. – Она протянула Саре салфетку и показала на обкусанные шоколадки на тарелке. – Не стану принимать это на свой счет, – сказала она, изогнув бровь. А потом ослепительно улыбнулась. Застрявший между грудями Сары холодный креветочный хвост съе-

хал вниз еще на четверть дюйма. Колин так и не пошелохнулся. Стоял, чуть приоткрыв рот, в уголках которого уже начала скапливаться слюна.

Шер наклонилась чуть ближе.

– У меня ужасная привычка – бурно жестикулировать. Боюсь, я вас здорово хлопнула.

В ее австралийском акценте звучали те очаровательно хриплые нотки, благодаря которым ее голос был знаменит не меньше внешности. Сара не первый раз в жизни встречала кинозвезду, но все равно ладони у нее тут же сделались липкими, а на спине проступил холодный пот.

Шер взяла у Сары тарелку, вручила Колину и легонько потрепала его по плечу. Он резко втянул ртом воздух и заковылял обратно на кухню.

– Шер Фокс. – Она протянула руку. – Вы тоже работали над фильмом?

Сара вяло пожала ей руку.

– Э-э-э... нет. Я тут с мамой, Кассандрой Бонд.

Уголок рта щипало. Неужели воспаляется?

– Бог ты мой! Вы дочка Кассандры?! Она потрясающая! Совершенно потрясающая! Три года назад я прочитала первую книжку про Эллери и тут же позвонила своему агенту. Хал, говорю, из этого выйдет фантастический фильм, и я непременно должна сыграть Эллери. – Она грациозно взмахнула обеими руками сразу. – И вот!

– Великолепно. Просто великолепно. Уверена, фильм великолепный. – Она в самом деле сказала «великолепный» три раза подряд? В студенческой работе она бы отметила такой повтор.

Шер взяла Сару под руку и повлекла за собой к черному диванчику. Ноги Сары непостижимым образом зашагали следом. Они с Шер сели рядом с огромным постером, на котором Эллери с пистолетом в руке мчалась в погоню: «Опасные дары и мир, который надо спасти».

Сара заметила, что по сторонам от диванчика начинают собираться другие гости, надеющиеся перемолвиться со звездой хоть словом. Шер не обращала на них ни малейшего внимания. Зато на плечо Сары склонилась, точно к старинной подруге. Пишут же, что кинозвезды порой страшно одиноки, несмотря на всю свою славу.

– И каково это – быть дочерью самой знаменитой писательницы в мире? Ну то есть, вы ведь, наверное, уже знаете, что там будет в последней книге?

Сара неловко рассмеялась, не уверенная, что Шер и правда ждет ответа.

– Ну, сложно сказать.

Креветочный хвост под платьем кололся.

Шер дотронулась до руки Сары, умоляюще заглянула в глаза.

– Скажите хотя бы, жив мой отец или нет?

Сара отдернула руку.

– Прошу прощения?

– Мой отец... отец Эллери. Вы же знаете, четвертая книга заканчивается грандиозным взрывом возле отеля в Москве и полным хаосом. И да, выглядит так, словно он попал в эпицентр взрыва, но все так мучительно неопределенно. Дождаться не могу выхода финала в следующем году. Может, хоть намекнете? Самую чуточку?

Сара пожала плечами.

– Простите... я правда-правда не знаю.

И ее – правда-правда – это совершенно не интересовало.

– Вы тоже пишете?

Сара пожала плечами. Болячку в углу рта щипало, кажется, она выросла прямо за время их разговора. Сара неловко дотронулась до нее пальцем.

Шер сочувственно кивнула.

– Простуда выскочила?

– А?

– У меня они постоянно. Вот, смотрите, – она показала на поблекшее пятнышко у себя на губе. – Почти прошла. – Какой-то лысый мужчина в огромном аскотском галстуке постучал ее по руке и что-то шепнул на ухо. Она лишь отмахнулась: – Я через секундочку.

Такие, как Шер, могут позволить себе сказать «секундочку». Или «моднюсенький». Или «вкусняшка». При такой внешности можешь употреблять любые самые идиотские выражения, все только в восторг придут. Шер открыла черный клатч и принялась там что-то выискивать. Сара не удержалась и заглянула. Она почти ожидала увидеть внутри пистолет. У Эллери бы наверняка там лежал пистолет. Сара не сомневалась: напади на кинотеатр сейчас террористы, Шер Фокс справилась бы с ними в одиночку, пока сама Сара тряслась бы от страха в туалете, отчаянно рассылая плохо сформулированные прощальные эсэмэски. А Майку написала бы? Нет. Разумеется, нет. С чего она вообще о нем подумала?

Увидела она телефон, губную помаду и гостиничную карту-ключ.

И была чуточку разочарована.

Шер вытащила крохотный синий пузырек.

– Вот. Мой фитотерапевт специально подобрал состав. Для простуд – просто чудо. Один легкий мазок три раза в день. Проходит в мгновение ока. Возьмите. У меня дома еще есть.

– Э-э-э. Спасибо.

Ну разумеется, Шер Фокс без фитотерапевта никак.

– А, да, и передайте вашей маме? – Она протянула Саре листочек бумаги. – Телефон моего фитотерапевта. Мы с ней говорили. Думаю, он может помочь с ее проблемой.

Сара взяла бумажку.

– С ее *проблемой*?

Шер снова взмахнула рукой.

– Ну, знаете. Потеря аппетита, потеря веса. Я же понимаю, ей *нелегко*. – Она прошептала эти слова, словно это был их маленький девичий секретик.

– А... ну да. – Сара посмотрела на номер с размашистыми тройками и четверками. – Вообще-то с мамой все хорошо. Но спасибо за участие. На самом деле мне как раз надо ее поискать. – Сара изобразила улыбку. – Ну, ни пуха, ни пера.

Шер засмеялась ей вслед.

Она что, в самом деле только что пожелала Шер Фокс ни пуха, ни пера? Кто-то в фильме тоже так говорил? Шер поэтому засмеялась?

Шагая со всей скоростью, какую позволяли двухдюймовые каблуки, она умудрилась подвернуть щиколотку всего раз, рядом с фритюром. Первые два туалета, где было полно народа, она проскочила и нашла свой любимый – в дальнем уголке коридора.

Запершись в кабинке, она попыталась вытряхнуть криветку – сперва немного поерзала внутри платья, потом сгорбила плечи. Но зловредный хвост только съехал чуть ниже и застрял в тугом лифе. Сара услышала быстрое цоканье каблуков.

– Сара, ты тут? – прошептала из-за двери Анна-Кат. – Я вижу твои ноги. Впусти меня.

Сара фыркнула.

– Тебе вовсе необязательно за мной таскаться. У меня все нормально.

Анна-Кат покатила со смеху, да так, что под конец чуть не задохнулась.

– Поверить не могу, что ты врезалась в Шер Фокс.

– Не смешно. И у меня теперь криветка в лифчике.

– Твоя или Шер?

– А что, есть разница?

– На Ибее – да. – Анна-Кат снова расхохоталась. Вообще-то обычно она так бурно не смеялась. Сару это слегка нервировало. Вдруг она перебрала бельгийского пива?

– От тебя никакого толка. Иди уже давай обратно на этот идиотский вафельный фестиваль.

Анна-Кат вздохнула и привалилась головой к стенке кабинки.

– *Лучшие* вафли в мире. Ты даже не представляешь, до чего же здорово получить свободный вечер. Я целый час о детях не вспоминала.

Сара застонала.

– Анна?

– Да?

– Молнию заело. Не могу расстегнуть.

– Открой.

Анна-Кат втиснулась в кабинку и умудрилась кое-как расстегнуть верх платья сестры.

– Вдохни. – Сара вдохнула. – Наклонись. – Она наклонилась. Анна-Кат расстегнула еще на дюйм. – Давай!

Сара снова подергала плечами и наконец вытянула креветку.

– Ура! – Она помахала ей в воздухе, точно охотничьим трофеем, а потом выкинула в туалет и спустила воду.

– Теперь выдохни. – Анна-Кат потянула язычок молнии вверх.

Когда они вышли из кабинки, Сара вздохнула с облегчением. Моя руки, она посмотрелась в зеркало и сощурилась на свое уныло-серое платье.

– А серый не так уж и плох, правда?

– Не уверена, что он вообще считается за цвет.

Сара закатила глаза.

– Это называется «оттенок пощеченной устрицы». Если чуть отойти и прищуриться, заметишь розовато-перламутровый отлив.

Они отошли от зеркала, наклонили головы и попытались разглядеть перламутровый отлив.

– По крайней мере, мне так сказали.

Анна-Кат пожала плечами.

– Не бери в голову. Серый тебе идет.

– И что это должно означать?

– Ничего.

Анна-Кат причмокнула губами и пригладила перед зеркалом светлые волосы. Протянула Саре помаду.

– Так будет лучше.

Сара выдохнула и опустилась на обитую красным бархатом табуреточку, поправляя шпильки в прическе. Анна-Кат села рядом и положила ей голову на плечо.

– Ты же всегда обожала мамины премьеры. Звезды, реклама, угощение. Что стряслось-то?

– Не знаю.

Анна ласково улыбнулась и ущипнула Сару за руку. Тон ее сделался мягче:

– Пора возвращаться в мир живых. Снова найти... хоть какие-то амбиции.

Сара напряженно выпрямилась и отвернулась.

– Я живу нормальной жизнью.

– Правда? Ты преподаешь, проверяешь сочинения, запойно смотришь кулинарные реалити-шоу. И если бы ты при всем этом была счастлива – отлично. Но это ведь не так.

Сара вскинула подбородок и скрестила руки на груди.

– Ну, в таком случае тебе будет приятно услышать, что я получила новую должность.

Брови Анны взлетели вверх.

– Тебя наконец повысили до старшего преподавателя?

Сара снова вздернула подбородок.

– Я новый профессиональный автор для «Душевных Открыток Интернейшнл».

– «Душевные открытки»? Которые на всех заправках валяются?

– И в «Костко»¹.

Анна делано улыбнулась:

– А, ну да...

– Эй, и не смотри на меня так! «Открытки» полны глубоких и вдохновляющих изречений.

– Ну... тогда ладно.

Сара сощурилась.

– И это все, что ты можешь сказать?

– Слушай, у тебя и так уже прочная преподавательская позиция в уважаемом университете. Разве «Открытки» не шаг назад?

– Ага, теперь моя работа уже достаточно хороша?

– Я никогда не сомневалась в качестве твоей работы, только в степени твоего энтузиазма по ее поводу.

Сара раздраженно фыркнула и передразнила Анну:

– Попробуй что-нибудь новое, Сара. Начни новую жизнь! – Она раскинула руки. – Ну вот я и пытаюсь! И не брошу преподавание... пока с открытками не взлетит.

Взгляд Анна смягчился.

– Конечно. Ну ладно. Если ты сейчас так это воспринимаешь...

– Сейчас я именно так это и *воспринимаю*. Ясно? – огрызнулась Сара чуть более резко, чем собиралась, и попыталась было не обращать внимания на промелькнувшую в глазах Анны обиду. Она повертела браслет на запястье. – Прости.

С минуту они посидели молча, а потом Анна протянула Саре косметичку:

– Попробуй мои румяна.

* * *

Сара уселась рядом с матерью буквально перед самым началом фильма. Кассандра ласково улыбнулась ей. Глаза у нее сияли, но щеки словно бы слегка ввалились.

– Мам, ты как, нормально?

– Просто немного устала, детка. Только и всего.

Сара пристроила голову маме на плечо и сразу же почувствовала себя гораздо спокойнее. Кассандра, сидевшая между дочерьми, взяла обеих за руки. Сара глубоко вдохнула и уловила легкие нотки «Вечерней розы», маминых духов.

Пышный красный занавес перед экраном раздвинулся ровно в восемь-ноль-ноль, и режиссер пригласил Кассандру подняться на сцену к ведущим актерам и продюсерам, чтобы сказать несколько слов перед фильмом.

– Мама как-то бледновата, тебе не кажется? – прошептала Анна.

Сара вспомнила фитотерапевта Шер.

– Скорее всего, просто устала – столько интервью за неделю.

Она не видела, как Кассандра упала. Когда публика хором ахнула и взволнованно загудела, Сара как раз рылась в сумочке в поисках «ментос». Анна-Кат стремительно сорвалась с места. Подняв взгляд, Сара обнаружила, что мама лежит на сцене, Шер поддерживает ее, а остальные актеры и съемочная группа толпятся вокруг. Анна протиснулась мимо Сары и почти бегом бросилась к сцене, а Сара так и стояла столбом. Мамин литагент, Элейн Чан, схватила

¹ «Костко» – одна из крупнейших в мире магазинных сетей. – *Здесь и далее примеч. переводчика*

Сару за руку и потянула к сцене. Анна уже была рядом с матерью – звала ее, похлопывала по щекам, пыталась привести в чувство.

Анна подняла взгляд на Сару.

– Все хорошо. Она дышит. Наверное, просто обморок.

Кассандра чуть-чуть приоткрыла глаза, но тут же снова потеряла сознание. Сара опустилась на колени, взяла маму за руку. У нее и самой сердце билось как ненормальное.

– Все хорошо, мам, – сказала Анна-Кат. – Мы тут.

Позже, в медцентре «Седарс-Синай», Кассандру положили под капельницу, компьютеры мониторили ее сердце и уровень кислорода в крови. Лицо у нее сделалось совсем бледным, губы на фоне красного платья от «Версаче» казались синевато-серыми. Дочери сидели по обе стороны от нее, а медсестра с пышной взбитой челкой в стиле восьмидесятых настраивала подачу кислорода.

– Когда вернется доктор? – еле слышно спросила Кассандра.

– Доктор Ахмед пытается связаться с вашим онкологом. Она скоро будет.

Медсестра задержала занавеску и ушла.

Воздух словно сгустился, стал удушающим. Анна-Кат уставилась на Кассандру огромными от потрясения глазами.

– Мам, твой *онколог*? Что происходит?

Кассандра на миг прикрыла глаза и медленно выдохнула.

Нашарив руку Анны с одной стороны и руку Сары – с другой, она сжала их, как много раз сжимала прежде, стараясь вдохнуть в дочерей силу и уверенность. Вот точно так же они сидели в лондонской квартире вечером после смерти отца, за маленьким пластиковым столом, и мама держала их обеих за руки.

И точно так же, как в тот жуткий вечер двадцать шесть лет назад, мама посмотрела на них обеих и сказала:

– Ничего, выкарабкаемся.

Потому что девочки Грейсон всегда выкарабкивались.

Анна потянулась через кровать к руке Сары и крепко сжала ее.

– *Откуда* выкарабкаемся, мама?

Кассандра уставилась в потолок.

– У меня рак поджелудочной железы. Четвертая стадия. – Глаза ее наполнились слезами. – Это скверно.

Слова тяжело повисли в воздухе. Говорила ли мама еще что-нибудь? Сара не помнила. В глазах потемнело, картинка вокруг стала какой-то мутной и плоской. Под черепом громко пульсировал мозг. Медицинский персонал вокруг двигался, точно актеры в дерганом черно-белом кино, звук то слабел, то проступал снова. Что-то про крайнее обезвоживание и возвращение домой в Мэриленд через несколько дней.

Когда Кассандру оставили на ночь в унылой больничной палате, Сара забрала с собой в отель ее платье.

На следующее утро она проснулась и увидела, как в щелочку между тяжелыми занавесками пробивается луч калифорнийского солнца. Сара облегченно вздохнула. Это все был просто кошмарный сон. Но тут она заметила перекинутое через спинку кресла мамино красное платье, почувствовала слабый аромат роз. Сара уткнулась лицом в подушку и заплакала.

Кассандра умерла через три месяца. В апреле, когда отцвели вишни.

Глава 2

*Мы умираем. Таков, возможно, смысл жизни.
Но мы развиваем язык. Таково, возможно,
мерило наших жизней.*

Тони Моррисон

«Нью-Йорк Таймс»: «Любимая всеми писательница Кассандра Бонд скончалась в возрасте шестидесяти двух лет».

«Кассандра Бонд, чьи насыщенные адреналином и напряжением романы дали начало новому жанру феминистического триллера, скончалась в среду утром в Бетесде (Мэриленд). Мисс Бонд умерла дома после недолгой борьбы с раком поджелудочной железы, сообщила Тея Маршалл, давний представитель мисс Бонд по связям с общественностью.

Авторский путь Бонд начался с трагедии. Оставшись вдовой с двумя маленькими дочерьми после безвременной кончины мужа – британского педагога Джека Грейсона, – мисс Бонд, бывшая медсестра скорой помощи, начала писать, ища способ справиться с горем утраты. В 2017 году она призналась в интервью „Таймс“: „Это Джек всегда хотел стать писателем. Не я. Мне нравилось работать медсестрой, ни о каком писательстве я в жизни не помышляла“.

Ее дочь, Анна-Катерина Грин, рассказывает: „Через два года после папиной смерти мама решила попробовать силы в писательстве и с удивлением обнаружила, что у нее это здорово получается“.

То, что началось как своего рода терапия, превратилось в одну из самых успешных в истории писательских карьер – более трехсот миллионов проданных книг по всему миру. Последний роман мисс Бонд „Столкновение миров“ стал четвертым в серии „Эллери Доусон“. Он в первый же месяц разошелся в количестве пятнадцати миллионов экземпляров и до сих пор, рекордную двадцать одну неделю подряд, занимает первое место в рейтингах как „Эн-вай-ти“, так и „Ю-Эс-Эй тудей“. Недавно снятый по мотивам первого романа этой серии фильм «Большой маленький мир» за премьерные выходные принес четыреста пятьдесят миллионов долларов.

Мисс Бонд написала восемнадцать романов, пятнадцать из которых стали бестселлерами. По десяти сняты блокбастеры. У Бонд остались две дочери, Анна-Катерина Грейсон-Грин и Сара Грейсон, а также двое внуков».

«Вашингтон Пост», критик Стив Кроган:

«Никто не умел так, как Бонд, сочетать искусство держать в напряжении с искусством создавать глубоких персонажей. Мир литературы потерял настоящего художника».

Твит Карен Сиглер, одиннадцатиклассницы из «Джордан-Хай-Скул», Сэнди, штат Юта:

«В жизни ни одной книжки целиком не прочитала, пока наш учитель не дал мне первую „Эллери Доусон“. А теперь я все-все книги Бонд проглотила. От природы я не очень храбрая, но, когда читаю ее книги, чувствую себя гораздо храбрее».

«Эн-би-си Найтли Ньюс»:

«Импровизированные мемориалы знаменитой писательнице Кассандре Бонд продолжают расти рядом со Спиталфилд-маркетом в Ист-Лондоне и у Бельведера в Сентрал-парке – оба этих места неоднократно фигурируют на страницах произведений Бонд. Оплакивая утрату литературного кумира, осиротевшие читатели несут туда цветы, свечи и книги, предназначенные для библиотек Кассандры».

«Обзоры Розы», ютуб-канал «Клепальщица»:

«Слушайте, ну все же знают, что Эллери Доусон – самая крутая крутышка на свете. И мы все понимаем: чтобы такую написать, надо самой такой быть. Так что – за тебя, Кассандра Бонд. Надеюсь, когда-нибудь я стану такой же сильной, как ты. Роуз Уэйд».

«Литературный тупик»:

«Кто-нибудь, прекратите это уже! Если я увижу еще хоть одну статейку про несравненную Кассандру Бонд, меня вырвет. Ну сколько можно! Эта дрянная богатенькая писака получила известность исключительно благодаря талантливым кинематографистам. Ее книжечки продаются из-за фильмов, а не из-за ее писательских способностей».

Си-эн-эн:

«Популярная писательница Кассандра Бонд была похоронена в воскресенье на Паркляунском кладбище в Бетесде, штат Мэриленд, после частной службы в епископальной церкви святого Иоанна».

Заявление от имени семьи Бонд:

«От имени всей нашей семьи мы благодарим вас за неиссякаемую любовь к нашей матери и бабушке. Мы воздаем должное ее бесчисленным достоинствам. Наша мама была самой великодушной, веселой и мудрой женщиной, какую мы только знали. Наша жизнь никогда не станет прежней».

«Эль-Эй Таймс»:

«Пятая книга серии „Эллери Доусон“, ее долгожданная заключительная часть, окружена самыми невероятными слухами и догадками. Один близкий к семье писательницы источник утверждает, что книга уже дописана, а другой, близкий к издательским кругам, сообщает, что рукопись так и не была закончена. От постоянного издательства Бонд, „Айрис Букс“, комментарий получить не удалось».

* * *

Май.

Через три недели после маминой смерти Сара вернулась на работу, потому что не знала, что еще делать. Таков был третий шаг в подробно расписанном Сибил Браун-Бейкер плане под общим названием «Найти новую нормальность». пляжные шлепанцы в план не входили. Каблуки сломались по дороге через кампус, застряв в щели между расшатавшимися плитками. Сара доковыляла обратно к машине, открыла багажник и выудила из сумки, которую девять месяцев как собиралась отдать на благотворительность в «Гудвилл», неоноворозовые шлепки.

Сара старалась не обращать внимания на постоянную тупую боль в животе, угнездившуюся там со дня маминой смерти. Она глубоко вдохнула и выдохнула.

– Новая нормальность.

Было тепло и солнечно, студенты Мэрилендского университета высыпали на зеленые просторы Маккелдин-молла: ели, валялись с учебниками или спали прямо на траве.

Сара прошествовала к своему корпусу, как была: в темно-синих укороченных брюках, приталенной рубашке – и розовых шлепанцах. Может, она смотрелась даже не очень дико, а наоборот, *артистично*. Типа – *вольная душа*. Несколько минут она усиленно пыталась притвориться, что так и есть.

Не прокатило.

На вольную душу она никак не потянет. Прямые каштановые волосы Сары были собраны в аккуратный хвостик. Последнее время ни на что большее ее не хватало, менялась только высота хвостика на затылке.

Шлепанцы честно шлепали при ходьбе. Громко. Шлепок, а потом что-то типа сдавленного писка.

– Новая нормальность.

Когда Сара заваривала себе чай на факультетской кухне, туда вошла Бинти. Она обняла Сару.

– С возвращением. Как ты?

– Ну, пришла вот. – Она пожала плечами и поплотнее запахнулась в черный кардиган. Кондиционеры в помещениях работали прямо-таки агрессивно. Такими темпами к следующей неделе Саре понадобится зимнее пальто.

– Нашла цветы, которые мы тебе на столе оставляли?

– Спасибо. Я люблю герберы.

Бинти улыбнулась, заправила за ухо каштановый локон и налила себе кофе в кружку с эмблемой университета Северной Каролины.

– Поверить не могу, что ты решила вернуться на последней неделе. Твои занятия есть кому проводить, ты же знаешь. А у тебя сейчас голова разболится, едва по коридору пройдешься.

Сара открыла коробку с чаем.

– Надо начинать писать планы к следующему семестру.

– Ты же ненавидишь писать планы.

– Ну да.

Сара медленно макала чайный пакетик в чашку – вверх-вниз, вверх-вниз. Она не была готова к выходу на работу, но и оставаться дома не хотела. Она старалась не замечать отравлявший кухню вечный запах разогретых макарон и застоявшегося кофе. Секретарша кафедры по имени Стефи Фринхаузер с поистине религиозным усердием вывешивала на холодильник объявления, уведомляющие сотрудников, что «**ВСЯ ОСТАВШАЯСЯ В ХОЛОДИЛЬНИКЕ ЕДА БУДЕТ ВЫБРОШЕНА В ПЯТНИЦУ ВЕЧЕРОМ. НИКАКИХ ИСКЛЮЧЕНИЙ!**», а также, что «**ВАША МАМА ТУТ НЕ ЖИВЕТ**».

Бинти прислонилась к кухонной стойке и окинула Сару озабоченным взглядом.

– Ты как? Только честно.

Сара пожала плечами и положила в чай сахара. Говорить о случившемся было все еще тяжело. Видимо, почувствовав это, Бинти сменила тему и зашебетала о своем новом курсе «Литература и кино». Было очень странно вести нормальные разговоры на работе, когда твоя личная вселенная так непоправимо изменилась.

Они пошли в учительскую, потому что Бинти надо было распечатать задания к следующему экзамену.

– К слову, отличные тапки. – Она показала на шлепанцы Сары. – Этакое – пляжный стиль встречается с башней из слоновой кости. Мне нравится.

Сара покачала головой:

– Не спрашивай.

Пока они шагали мимо изнуренных недосыпом студентов, вперивших усталые глаза в учебники и конспекты, Бинти продолжала трещать о кафедральных новостях.

В учительской висели новые объявления от Стефи с новыми дополнительными правилами пользования ксероксом и почтовыми ящиками и еще одно, гласившее: «**СТУЛЬЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ТОЛЬКО ПО НАЗНАЧЕНИЮ**».

Бинти хлопнула по объявлению.

– Что за животные тут работают! По-моему, этого как-то мало.

Схватив маркер, она написала на двух листках бумаги: «**ПРОСЬБА НЕ ЛИЗАТЬ СТЕНЫ**» и «**ОСТОРОЖНО! ОСТРЫЕ КРАЯ! НЕ ЕШЬТЕ ЭТО ОБЪЯВЛЕНИЕ!**» – и приклеила их скотчем к стене. Сара засмеялась. Бинти явно гордилась своим маленьким актом гражданского неповиновения. Университетские кампусы порой – сплошное гнездо противоречий.

Сара подошла к своему почтовому ящику и вытащила стопку внутриуниверситетской корреспонденции и листовок с объявлениями и новостями за последние несколько недель. Прихлебывая «эрл грэй», она принялась разбирать накопившееся.

– Чудесные новости. – Бинти хлопнулась на стул напротив нее. – Я тут потянула за кое-какие нити и выцарапала для тебя место в новом комитете по визуальной риторике. Очень украсит твое резюме, когда ты в следующем году будешь подаваться на позицию старшего преподавателя.

– Не уверена, что стану снова пытаться.

– Ну, конечно, станешь!

– Визуальная риторика не то чтобы мой конек.

– А что твой конек?

– Почему у всякого обязательно должен быть свой конек? Может, некоторым это вообще и ни к чему, – огрызнулась Сара. Получилось куда эмоциональнее, чем она собиралась.

Бинти серьезно посмотрела на нее.

– А может, твой конек – это «Душевные Открытки Интернейшнл»?

Сара наморщила лоб.

– Они завернули три моих последних проекта.

– Что?

– Когда я не смогла больше писать тексты про рак, потому что... ну, понимаешь... они поставили меня на юбилей, но сказали, тон у меня какой-то не такой.

Бинти чуть не подавилась кофе.

– Тон?

– Мое начальство сказало – как у хмурой акулы.

Бинти сжала губы – явно пыталась не смеяться.

– Я бы такие открытки покупала.

Сара вздохнула.

– Суровая правда жизни заключается в том, что из меня даже автор поздравительных открыток никудашный. По-моему, они там меня жалеют. Перевели меня в сестринскую компанию, «Клевые купоны». Судя по всему, это самый крутой в мире сайт по продаже онлайн-купонов.

– Ну, хоть что-то.

– О да. Видела бы ты мой маленький шедевр об ожерельях из пресноводного жемчуга. «Стремительно распродается, всего 39,99 доллара!»

– Слушай, ну уж ты-то непременно найдешь нужные слова. А пока просто знай, что у тебя есть варианты. Встреча комитета завтра в «Посудомоях и поэтах» – обсуждаем программу курса. Если хочешь, присоединяйся.

– Я подумаю.

– Честно, ужасно рада, что ты пришла. Я сомневалась, вернешься ли ты.

– Почему бы я вдруг не вернулась?

– Ну, знаешь...

– Что знаю?

– Не то чтобы теперь тебе нужны были деньги. Наследство твоей мамы? Ну то есть я как-то думала, тебе теперь нет необходимости работать... то есть вообще... при желании. В смысле теперь ты могла бы делать что угодно.

– Мама никогда не переставала работать. С чего бы мне вдруг переставать?

– Конечно. Ладно, неважно. Забудь. – Бинти подошла к принтеру и надорвала обертку новой пачки бумаги.

Сара вытащила свой ноутбук и, барабаня пальцами по столу, подождала, пока он включится.

– Мы с сестрой сегодня после работы встречаемся с маминым юристом. Он сказал, это по поводу маминой книги. Скорее всего, просто какие-то документы подписать.

– По поводу пятой части?

– Наверное.

– «Нью-Йоркер» пишет, надо бы устроить конкурс, кому его дописывать. – Бинти положила бумагу в поднос и задвинула его в принтер. – Типа, от каждого автора по шестьдесят страниц текста – и у кого лучше получится.

– Книга уже написана. – Сара набрала пароль и отпила еще чая.

– Правда? Ты ее читала?

– Нет, но мама самый ответственный человек в мире. Она просто не могла оставить незаконченный текст. – Когда Кассандра заболела, вопрос о пятой книге и правда возник. Она заверила Сару и Анну-Кат, что с книгой «все улажено». Это и не удивляло. Кассандра Бонд всегда опережала график.

Бинти оперлась на принтер, из которого начали вылезать страницы.

– Поразительно просто – я о твоей маме. Закончить книгу, несмотря на рак и все такое.

Сара заморгала, смахивая слезу. Бинти повернулась к принтеру, а Сара открыла электронную почту. И тяжело вздохнула. Четыреста два непрочитанных письма.

Принтер резко перестал работать. Бинти вытащила поднос и с силой загнала его обратно.

– Чертова железка.

Сара показала на объявление: «ПРОСЬБА НЕ РУГАТЬ И НЕ БИТЬ ПРИНТЕРЫ». Бинти снова стукнула принтер. Он заработал. На лице у нее отразилось удовлетворение.

Сара захлопнула ноутбук.

– Отвлеки меня от всего этого. Расскажи про ваш курс о литературе как кинематографе.

– Запросто! Хотя и так половина экзаменационных работ посвящена экранизации «Эллери Доусон». – Она подняла распечатку с вопросами. – Я даже включила один вопрос по ней в программу экзаменов.

Сара закрыла лицо руками и застонала.

– Сара, прости! – Бинти скомкала лист и швырнула в корзину. Промажнулась. Листок приземлился рядом с призывом соблюдать чистоту. – Забудь ты про эту Эллери! Хочешь хоть немного треснуть какой-нибудь принтер?

Сара сжевала четыре таблетки от изжоги и отправилась к себе в кабинет.

* * *

После работы, по дороге к юристу, Сара заехала на кладбище и поставила на мамину могилу вазу с герберами. Она приезжала сюда каждый день. Могила с редкими прядками сухой травы все еще выглядела совсем свежей. Сара наклонилась и коснулась ладонью земли, влажной после ночного ливня, но теплой от солнца. Глубоко вздохнула, пытаясь почувствовать близость матери, ее присутствие.

Пока она возилась с цветами на могиле, зазвонил телефон. Запыхавшаяся Анна-Кат сообщила, что ее дочке Ливви в школе стало нехорошо, поэтому она едет забирать ее и на встречу не успеет.

– Прости, что бросаю тебя одну. Может, перенесем?

Дай Анне-Кат волю, она до сих пор водила бы Сару через парковку за руку.

– Я вполне справлюсь. Уверена, там ничего особенного. Занимайся Ливви, а я тебе все расскажу.

Сара нежно погладила влажную землю на могиле матери и зашагала обратно к машине.

Глава 3

*Писать – все равно что замуж выходить.
Ни за что нельзя в это вязываться,
если не восторгаешься, как же тебе повезло.*

Айрис Мердок

Адвокатская контора «Оллман, Питерс и Дженкинс» занимала старинный кирпичный дом в центре Бетесды. Внутри пахло корицей и эвкалиптом, а обстановка была до того элегантна, что Саре захотелось чинно выпрямиться, а изъясняться лишь чопорно и официально. Паркетные полы так и сияли, в вестибюле Сару встретили знакомые ноты барочной классики, которую там крутили практически нон-стоп.

Это место она ненавидела лютой ненавистью.

Макнил-Галлахер, предоставленный фирмой адвокат, в прошлом году вел ее бракоразводный процесс. Люди с двойной фамилией, как правило, изысканнее прочих смертных, и Макнил, носивший широкие бабочки и высветлявший растительность на лице, не подвел. Однако из развода Сара вышла совершенно опустошенной – не потому, что процесс оказался запутанным и тягомотным, а скорее наоборот: потому что не оказался. Майк разъезжал где-то по границам и отнесся к расторжению их брака с удручающим безразличием, которое ранило сильнее, чем если бы он яростно сражался с Сарой. Единственным, за что сражался Майк, был их пес, Гэтсби.

Шесть лет брака – и Майку был нужен только пес.

Макнил-Галлахер позаботился о том, чтобы пса он не получил.

Дэвид Оллман-старший, один из основателей фирмы, был юристом, другом и советником Кассандры Бонд с тех самых пор, как Кассандра двадцать лет назад переехала в дом напротив семьи Оллманов. Жена Дэвида, Шерон, принесла ей свежее испеченный яблочный пирог. Кассандре нужны были и пирог, и хороший юрист, и так родилась эта дружба. Год назад Дэвид умер, и его сын, Дэвид-младший, унаследовал всех отцовских клиентов, включая Кассандру Бонд.

Сара с Анной-Кат ознакомились с основной частью завещания через неделю после смерти матери. Ничего неожиданного там не оказалось. Кассандра, выросшая в рабочей семье из Филадельфии, щедро одарила несколько благотворительных организаций фондами, финансирующими то, что было Кассандре важно, в том числе доступность образования для девочек и программу микрозаймов для женщин. Остаток материнского состояния поровну отходил Анне-Кат и Саре, в том числе выручка от будущих книгопродаж.

Сара ждала Дэвида-младшего в его кабинете. Когда ей было тринадцать, они с семьей переехали в их район как раз вовремя, чтобы ее (из жалости) пригласили на бар-мицву его младшего брата. Дэвид доставил это приглашение лично и всунул в руку Сары, даже не встретившись с ней глазами. Дэвид был ровесником Анны-Кат, и на выпускной они ходили вместе, хотя Анна клялась, что никогда с ним не целовалась.

А Сара целовалась.

Это случилось на неудачной новогодней вечеринке в колледже. В полночь они оказались рядом друг с другом, ну и как-то так вышло само собой. После неуклюжего поцелуя они так же неловко не то обнялись, не то похлопали друг друга по спине. И пошли забирать свои куртки – порознь.

На столе у Дэвида стояла фотография его нынешней девушки, канадки по имени Мия Как-ее-там. На фотографии они ехали бок о бок на велосипедах вдоль какого-то здоровенного озера, предположительно где-то в Канаде. Дэвид всегда был тощим задохликом и терпеть не

мог физических упражнений, но нельзя недооценивать влияние экзотических канадских женщин.

– Прости, что заставил ждать. – Дэвид влетел в кабинет. Выглядел он и в самом деле здоровее, чем обычно. Все еще стригся слишком коротко, а очки носил не своего размера, но в груди и плечах заметно раздался.

Он обвел кабинет взглядом.

– А где Анна-Кат?

– Ливви заболела. Я ей все расскажу.

– Может, перенести?

– Да ладно тебе, Дэвид. Все в порядке. Давай уже к делу.

– Уверена?

– Ради бога.

– Ну... что ж. Дай только нужную папку отыщу. – Дэвид сел за стол и открыл ящик. Перебирая стопку бумажных папок, небрежно спросил: – Знаешь что-нибудь о Мередит Лэмб? Она живет в Британии.

– Хм. Да вроде нет. – Сара разглядывала еще одну фотографию на столе: Дэвид и Мия с огромными рюкзаками. Мия так и сияла, у Дэвида вид был понурый. Судя по всему, Мия была из *Ванкувера* – такого далекого запада, что уже, считай, и не Канада вовсе. Ну или как дальняя-дальняя родня Канаде.

Дэвид отыскал нужную папку и положил ее перед собой.

– Ваша мать оставила небольшой трастовый фонд для Мередит Лэмб с ребенком. Строго говоря, фонд основал несколько лет назад мой отец, совершенно отдельно от завещания. Ребенок уже совершеннолетний, а фонд включает в себя расходы на колледж. Она упоминала об этом тебе или Анне-Кат?

– Нет, не припоминаю. Но мама была очень щедрой.

– Без сомнений. Может, это какая-нибудь родственница?

– Родители отца умерли и похоронены в Англии. У него там осталась сестра. Никогда не слышала о Мередит Лэмб.

– Хм. Ну ладно. – Дэвид продолжал листать ту же папку. Сара гадала, к чему он подбирается такими окольными путями. Она уже знала, что полностью это наследство напоминает скорее лабиринт и что первое знакомство с завещанием две недели назад охватило лишь самые важные аспекты. Фактически на то, чтобы поддерживать на плаву самый сложный механизм маленькой империи Кассандры Бонд, требовалась целая сеть представителей, включая несколько юридических фирм.

– Я думала, нам надо поговорить о книге. В изложении твоей секретарши звучало так, будто по телефону это никак не обсудить. Это про мамино литературное наследие?

Он кашлянул, продолжая шелестеть бумагами.

– Ну да, дело касается ее работы, а обсуждать и правда лучше лично. Я просто думал, что Анна-Кат тоже придет.

– Я взрослая тридцатидвухлетняя женщина, Дэвид. И держаться за руку старшей сестры мне не требуется.

– Разумеется. – Он сделал несколько глотков из зеленой бутылки для воды со встроенным фильтром. Вытянул шею, наклонил вбок голову и потянул воротник накрахмаленной синей рубашки. – Да... э-э-э... тогда перехожу к делу.

Он снова откашлялся и вытер ладони о брюки.

– Выкладывай уже, Дэвид. Моя мама основала фонд в Замбии? Если на школу для девочек, то это совершенно законно. Мама всегда все проверяет.

Сара все еще соскальзывала в разговорах с прошедшего времени на настоящее. Живот сдавило привычной тупой болью.

Дэвид надел очки, снова снял, потер переносицу.

– Нет, Замбия ни при чем. – Он положил обе руки на стол и сделал долгий глубокий вдох. Такой долгий и глубокий, что даже смотреть было капельку неудобно – как будто Сара прервала что-то личное и лучше бы ей сейчас уйти и вернуться попозже. Должно быть, научился этому на горячей йоге с Мией. Как-то раз он явился к Кассандре прямо с занятия, весь потный. Задумаешься тут, откуда у юриста хватает времени на йогу.

Дэвид выжидательно смотрел на нее.

– Сара, ты меня слушаешь?

– Да. Прости. Слушаю-слушаю. – Она перезавязала хвостик на голове и пригладила его. Кажется, за последнее время у нее развился синдром дефицита внимания. Она посмотрела в лицо Дэвиду, стараясь заставить себя сконцентрироваться, установить с ним зрительный контакт. Интересно, это очки у него слишком большие – или лицо слишком маленькое?

– Так вот, насчет пятой книги... – Дэвид перестал возиться с очками, сжал руки перед собой, сглотнул и вперил взгляд в Сару. – Твоя мама хочет, чтобы пятую книгу написала ты.

Сара засмеялась.

Дэвид к ее смеху не присоединился.

Сара засмеялась снова. Скорее, судорожно закашлялась.

А потом тихо ахнула – вся смехотворная нелепость этих слов наконец дошла до нее, и Сара захохотала по-настоящему, взახлеб. И правда, страшно смешная шутка.

– О-о-о-ох, Дэвид. Ты слишком хорошо знаешь Грейсонов. Но, надо признаться, ты успел меня напугать – руки такие сжатые, выражение такое пугающее, адвокатское, – как будто мне предстоит услышать, что мама обанкротилась.

Дэвид нервно засмеялся.

– Нет, твоя мать не обанкротилась. Но да... писать пятую книгу она выбрала именно тебя.

Тогда-то Сара и заметила, что у Дэвида вспотел лоб – и что он даже не пытается его вытереть. Две капли пота повисли, практически отрицая силу земного притяжения, а Дэвид и бровью не повел.

Желудок Сары провалился куда-то в пятки, а все тело омыла волна неверия в происходящее.

– Дэвид, ты же не всерьез? Книга уже написана. Ну как иначе-то! Мама всегда все заканчивает, ничего не бросает на полпути. Анна-Кат при мне спросила у нее про Эллери Доусон. А мама сказала, что обо всем позаботилась. Я своими ушами слышала!

Дэвид отер лоб тыльной стороной ладони и поправил очки.

– Она запаздывала с книгой. Весь прошлый год работала над общим сюжетом. Надеюсь, у нее больше времени.

Сара окаменела, уставившись на него во все глаза. Сердце в груди стучало так громко, что мешало думать.

Дэвид подался вперед, положил руки перед собой.

– Это ее предсмертное желание. Она просила меня выждать три недели после ее смерти, прежде чем тебе рассказывать. Вот письмо для тебя.

Он открыл лежащую перед ним папку и протянул Саре желтый конверт в белый цветочек – такой яркий и солнечный, словно в нем лежала открытка на день рождения, а не жуткое последнее желание. Сара дрожащими руками открыла его и прочла:

Любимая моя Сара!

Смелость. Два благородных слога. Помнишь, это слово входило в список твоих любимых. Слово, исполненное высшего смысла. Давно пора было брать его в имена для девочек. Итак, Дэвид тебе все рассказал. Да, книга твоя. Эта смелая просьба – мой дар тебе. Я помню, о чем мы говорили, – но ты тоже родилась, чтобы писать. У тебя есть дар слова, моя милая, у тебя есть слова. Так пиши их.

Мама.

Сара распустила собранные в хвостик волосы, откинулась головой на спинку кожаного кресла и прижала руку ко лбу.

Смелость.

Смелость.

Сара и до того, как вошла в этот кабинет, не могла бы служить образцом эмоциональной стабильности. А уж теперь мозги у нее словно распухли, разрывая изнутри череп, а сжимавшее душу горе вспенилось и повалило наружу кипящей яростью. Она вскочила из кресла.

– О чем, черт возьми, она вообще думала? – Сара подошла к подоконнику, развернулась и ткнула пальцем в сторону Дэвида. – Это невозможно! Во-первых, мамины издатели в жизни не согласятся на такое идиотское предсмертное желание. Во-вторых, она, скорее всего, это придумала, когда была под препаратами. Дэвид, она принимала сильнодействующие обезболивающие. Была не в себе, под наркотой.

– У твоей мамы в контракте с «Айрис Букс» обговорены специальные авторские условия. Согласно им, в случае ее безвременной смерти за ней остается право самой выбрать автора, который будет заканчивать ее серию, и она может назвать имя этого автора в завещании. Что она и сделала, шесть месяцев назад, 15 ноября. Она была в твердом уме.

– Мама приняла это решение в ноябре? Ноябре? Да в ноябре она еще даже не заболела! – Сара уже кричала. Лицо ее покраснело, залилось жаром.

Дэвид потер шею сзади и украдкой проглотил несколько таблеток.

Сара ахнула. Внезапно она все поняла. Она привалилась к окну, сжимая в руке письмо.

– О боже мой. *Она уже была больна. Уже тогда.* Дэвид, когда она узнала, что у нее рак?

– Тогда я не знал, что она больна. Она выставила эти условия много лет назад, но до прошлого ноября не называла никаких имен. Теперь издательство по закону обязано сотрудничать с тобой. Они там все умирают от нетерпения узнать, кого выбрала Кассандра, – и вполне понятным образом *нервничают*.

– Да неужели? – Сара снова опустилась в кресло. Дыхание у нее было частым и неглубоким, голова кружилась. Этого просто не может быть. – Но мама ведь назначила каких-то запасных авторов кроме меня, правда? Ну то есть она же не поставила бы все будущее империи Эллери Доусон на одну меня?

Дэвид покачал головой, старательно избегая ее взгляда.

– Только ты. – Он пожевал нижнюю губу, подыскивая, что бы сказать утешительного. – Мне очень жаль. Ответственность, конечно, несколько угнетающая.

– Угнетающая? Мама продала *пятнадцать миллионов* экземпляров четвертой части. Все эти пятнадцать миллионов человек ждут пятую часть. А вовсе не *меня*.

Голос у нее дрожал, сбивался почти на визг. Она сама его не узнавала.

Сара снова спрятала заплаканное лицо в ладонях.

Дэвид обошел вокруг стола и протянул ей коробку бумажных носовых платков в массивном ящичке орехового дерева с выгравированной монограммой фирмы. Сара уставилась на ящичек с нескрываемым отвращением. Неудивительно, что адвокатов никто не любит. Нервными, судорожными движениями она выдернула несколько салфеток. Вытерла лицо. Высморкалась. Вытянула еще несколько салфеток и запихнула себе в сумку. Шумно выдохнула и поднялась на ноги.

– Спасибо, Дэвид. Мне пора обратно на работу.

Она сложила письмо матери пополам. Потом еще раз. И еще. И еще последний разочек. Письмо стало похоже на пачку жевательной резинки. Сара сунула его в сумку вместе с горстью смятых салфеток.

– погоди, – сказал Дэвид. – Надо очень многое обсудить. Уверен, у тебя возникнет еще немало вопросов. Налить тебе чего-нибудь?

– Мне надо идти. – Она попыталась задрать подбородок и изобразить на лице уверенность. Потом потянулась мимо Дэвида к подставке с салфетками за новой горстью. Потом открыла тяжелый деревянный ящичек, вытащила всю пачку салфеток и зажала под мышкой, как клатч. – Уже совсем пора.

Расправила рубашку и решительно зашагала к двери. Шлепанцы звучно хлопали по полу.

– Слушай, я понимаю, каким потрясением это должно было для тебя стать. Нам предстоит проработать множество деталей, но тебе есть на кого опереться.

– Потрясение. Да. Опора. – Складывать слова в законченные предложения становилось все сложнее. Сара развернулась к Дэвиду. На нее снова накатило головокружение. – Тогда ладно. Или ладушки. Так ведь у папы на родине говорят?

– Не знаю.

– Это был риторический вопрос. – Сара снова развернулась к выходу.

– Постой. Вот, возьми папку. Тут про всех заинтересованных участников процесса. Давай поговорим с утра, ладно? Я понимаю, чтобы это все немного уложилось в голове, требуется некоторое время, но нам надо поскорее разобраться с некоторыми вопросами. После похорон издательство мне житья не дает, а фирма твоей матери из Эл-Эй уже несколько раз спрашивала про контракт с «Сони Пикчерз». И агент твоей матери...

Больше Сара ничего не слышала. Ей казалось, она смотрит на мир из-под воды. Все нечеткое, звуки искажены. Ей просто необходимо было выйти. Найти место, чтобы подумать.

Отыскав свою машину, она стремительно вырулила из гаража. Скорее, скорее увидеться с Анной-Кат. Рассказать ей жуткие новости. Проезжая на обратной дороге мимо кладбища, Сара вдруг ударила по тормозам и круто развернулась. Шины завизжали. Сара остановилась неподалеку от могилы матери и вылезла из машины. Дошла до могилы, вырвала цветы из оставленной час назад вазы и гневно зашагала обратно. Проходившая мимо другая посетительница возмущенно вскинула брови.

Сара посмотрела ей прямо в лицо.

– Вы даже не представляете! – сказала она и поехала прочь.

Глава 4

*Писатель – это человек,
которому писать гораздо сложнее,
чем обычным людям.*

Томас Манн

Через пятнадцать минут Сара входила в дом Анны-Кат в Потомаке. Она не испытывала подобной ярости с тех пор, как Майк опустошил их совместный счет и оставил записку, что уходит от нее, чтобы «есть, молиться, любить». С собой он забрал лишь один чемодан с одеждой и навороченную вафельницу. Сара нетерпеливо звонила в дверь, пока Анна-Кат наконец не открыла.

Сара сунула сестре мокрые цветы и без единого слова мрачно протопала мимо нее в гостиную. Мисс Марпл, мамина собака, мирно спала рядом с кошмарной черно-белой меховой оттоманкой, которую Анна-Кат купила на прошлой неделе. Дизайнеры интерьера гораздо чаще, чем простые люди, готовы принимать рискованные решения, и это не всегда хорошо. Обойдя комнату, Сара вернулась к Анне, так и стоявшей в дверном проеме с цветами в руках и вопросительно вздернутыми бровями.

– Сара, что происходит?..

– Ты знала?

– Что?

Сара шумно выдохнула, выхватила у нее цветы и зашагала на задний двор. Швырнула цветы и сумочку на столик и схватила привязанный к столбику мяч на длинной веревке. Высоко подняв руку, швырнула мяч в сторону. Он чудом не попал ей по голове, когда понесся обратно. Сара упала на траву. Мяч на веревке закрутился вокруг столбика.

Она услышала, как открывается раздвижная дверь.

– У Джеральда внизу есть боксерская груша. – Анна села в садовое кресло. Мисс Марпл тоже вышла во дворик и принялась обнюхивать изгородь.

Сара сердито уставилась на Анну, поджав губы и сузив глаза. Не говоря ни слова, она снова и снова стучала по мячу, пока совсем не выдохлась и не покрылась потом.

– Знаешь, – сказала Анна, – гнев – одна из стадий горя. Чувствовать себя так, как ты сейчас, – совершенно нормально.

Голос она включила – молочно-паточный. Ласковый, успокаивающий – для тех, кого от него не тошнит.

Сара сердито отряхнула со штанов траву и подошла к Анне.

– Мама тебе и вправду ничего не рассказывала?

Анна подняла обе руки и пожала плечами.

– Честное слово, понятия не имею, о чем ты.

Сара стащила с себя шлепанцы и швырнула через двор. Они пролетели футов пять, не больше, но напугали Мисс Марпл, которая заскулила и запрыгнула к Анне на колени за утешением.

Сара показала на собаку пальцем.

– Ты тоже наверняка все знала! – Мисс Марпл умильно смотрела на нее. – Да-да! Ты бы наверняка была на ее стороне.

Снова схватив сумочку, Сара прошествовала обратно в дом и повалилась на кушетку в гостиной, закрыв лицо руками.

Анна прошла за ней и села на оттоманку напротив. У Сары все так и чесалось при одном взгляде на это чудовище.

– Ну ладно. Что там стряслось у Дэвида? – быстро выдохнула она. – Так и знала, что мне надо поехать.

Сара глубоко вздохнула. Губы и подбородок у нее дрожали. Она откинулась на спинку кушетки и обеими руками прижала подушку к груди.

– Мама хочет, чтобы я написала эту книжку.

– Какую книжку?

Сара посмотрела на потолок, потом снова на Анну. Глаза у нее наполнились слезами.

– Мамину. Последнюю. Книгу.

С каждым словом в груди у нее болело все сильнее.

Анна вытаращила глаза.

– «Эллери Доусон»?

Сара застонала и впиалась пальцами в голову.

– Но мама уже все написала! Мы же спрашивали. Она сказала, все улажено.

– Так вот, она соврала. Да-да... мама, получается, врушка.

– Ну да, конечно. Наша мама?

– Ну а кто.

– Так, значит, это ее злодейский план: родить тебя, тридцать два года втираться тебе в доверие, а потом – *р-р-р-раз!* Она тебя подловила!

Сара отвела глаза.

– Ну как-то так.

– Ты хоть понимаешь, как это смехотворно звучит?

– А ты хоть понимаешь, как смехотворно звучит идея, чтобы я писала эту книгу?

– Ты же писательница.

– Анна, я сочиняю описания украшений для «Клевых купонов».

– Но ты же учишь писательскому мастерству...

– Я учу похмельных первокурсников пользоваться библиотекой.

– А твои поздравительные открытки?

– Не поздравительные, а про химиотерапию. И опубликовали только пятнадцать штук, так что не пытайся выставить это все как что-то логическое.

Анна прижала руку ко лбу.

– Пойду заварю чаю.

Она направилась к выходу.

Чай.

Сара снова откинулась на спинку, мучительно желая, чтобы кушетка поглотила ее целиком. Против воли из глаз покатались горячие слезы, оставляя грязные дорожки потекшей туши. Нашарив сумочку, Сара вытащила салфетку.

Ну разумеется, Анна-Кат пошла заваривать чай. Именно так поступила бы мама. Сара сама не знала, чего ей хочется: чем-нибудь во что-нибудь запустить или просто сидеть и плакать.

Когда Сара приходила домой после неудачного дня, мама крепко обнимала ее, всовывала в руку салфетку и говорила: «Пойду заварю чаю». Неизменной приметой вечера был «эрл грей» с лавандой. Мятный – чтобы взбодриться, ромашка – чтобы лучше спать. И любимое сочетание Кассандры: зверобой с пассифлорой.

Вечером того дня, когда умер папа, Кассандра приготовила им чай. Они тогда жили в крохотной квартирке в Ист-Энде, в Лондоне. Саре было семь, а Анне десять. Они только что вернулись из больницы, и назад ехать не было смысла. Кассандра вытирала слезы посудным полотенцем и заваривала чай для грустных времен – зеленый, с апельсиновыми корками. Даже теперь это сочетание оставалось для Сары вкусом утраты.

Сара несколько раз глубоко вздохнула и собрала гору использованных салфеток. Повесила на плечо тяжелую рабочую сумку и отправилась вслед за Анной-Кат на кухню. На пороге гостиной она остановилась и оглянулась на пушистую оттоманку. Точь-в-точь черно-белая корова – если бы у коров была длинная лохматая шерсть и тонкие золоченые ножки. Чего у коров не было. Потому что природа умнее.

Сара решительно задвинула оттоманку в угол за кушетку. Сняла с подоконника плед и накрыла дурацкую штуковину.

Так-то лучше.

Она вошла в кухню. Анна у стойки откупоривала жестяные банки с чаем.

– Зачем ты всюду таскаешь за собой эту сумку?

– Мне она нужна, ясно?

Сара принялась выкидывать смятые салфетки в волшебное мусорное ведро, открывавшееся автоматически от взмаха руки. «Гораздо гигиеничнее», – гордо сказала Анна, когда ее муж Джеральд Т. Грин как-то вечером принес это ведро «просто так». Он был экономистом в Национальной ассоциации дилеров – одним из семи людей во всем мире, которые и вправду знают, что почем. Он носил вязаные жилеты и покупал Ливви с Джудом всякие умные игрушки типа «Изобретаем электронику» и «Набор для изготовления гидравлических роботов». В свои шесть и семь дети были куда умнее Сары, но все равно любили ее.

Сара подошла к раковине и поплескала себе в лицо холодной водой. Потом промокнула лицо бумажным полотенцем и попыталась оттереть хоть часть размазанной туши.

Анна дала ей две таблетки ибупрофена и чашку воды, глядя на нее нежно и ласково.

– Прости, что я не поехала. Думала, это какой-то рутинный вопрос. Еще что-нибудь обсуждали?

– Дэвид спрашивал про какую-то женщину по имени Мередит Лэмб. Я так поняла, мама оставила какой-то фонд для нее и отдельно еще фонд на университет для ребенка. Ты ее знаешь?

– Хм. Звучит вроде бы знакомо, – Анна вернулась к завариванию чая, – но что-то не соображу.

Анна-Кат унаследовала материнский талант готовить собственные чайные смеси. Так успокаивающе было наблюдать, как она насыпает в деревянную миску ароматные сухие листья и коренья. Сняв с плиты чайник, она вытащила из застекленного буфета две чашки и блюдца.

Сара смотрела, как Анна бережно набирает чайную смесь в ситечки, наливает в чашки кипятка, и дыхание у нее понемногу выравнивалось.

– Так... мама тебе и в самом деле ничего не говорила?

– Честное слово. Я тоже была уверена, что книга давно закончена.

Закончив с чаем, Анна принесла на стол тарелку с квадратиками печенья, сахар и сливки. Придвинула одну чашку Саре, а сама уселась с другой.

Сара вдохнула аромат ванили и персика. Сердцебиение у нее наконец успокоилось, но грудь по-прежнему тупо болела, словно там застряло что-то тяжелое. Сара добавила себе молока и коричневого сахара, как любил папа, размешала и сделала маленький глоточек. Ах, если бы только это было обычное чаепитие, и они обсуждали бы фильмы, хорошие книги или что смешного сказали дети.

– Анна, я понятия не имею, о чем думала мама. Ну то есть я и так вся никакая после маминной смерти и моего дурацкого развода, а тут еще она втягивает меня в этот кошмар.

Анна вздохнула.

– Я тоже не понимаю. В смысле серия же была ей, ну, как *ребенок*. Она любила ее больше всех прочих.

– Мама все свои книжки любила.

Анна покачала головой.

– Нет. Это ее любимая. Тут даже обсуждать нечего. Ты же знаешь.

Сара немного помолчала.

– Я не знала.

– Мама потратила на эту серию больше всего времени, сил, слез. Это ее лучшая. И так считаю не только я. – Анна остановилась. – Что... ты не согласна?

Сара перевела дыхание и отпила еще чая.

– Ну, наверное. Я просто не знала, что мама так это ощущает.

Анна-Кат откусила кусочек печенья.

– И для тебя это будет не первым романом.

– Ну да, *конечно!* – Голос Сары налился желчным сарказмом. – Мой неопубликованный шедевр, от которого сам великий Фил Дворник камня на камне не оставил.

– Сара, это называется литературной критикой.

– О да. Я обращаюсь к редактору моей мамы за отзывом и получаю десять страниц – одинарный интервал – о том, как ему не понравилась моя книга. После такого я бы издателя все равно не нашла.

– Ты всю жизнь мечтала писать, а потом даже не попыталась опубликовать свою книгу. Сдалась после того, как Фил тебя раскритиковал.

– Спасибо, Анна. Давай, бей по больному.

Анна-Кат отставила чашку и скрестила руки на груди.

– Харпер Ли говорила, каждый носит в себе хотя бы одну книгу.

– Это не значит, что каждый должен свою книгу писать! И кстати, Харпер Ли такого не говорила. Никто не знает, кто это сказал. – Сара вскинула обе руки в воздух. – Люди, проверяйте источники!

Анна-Кат два раза моргнула – ее классическое, пренебрежительное мигание.

Сара фыркнула.

– Я просто не верю, что мама была в состоянии здраво мыслить. Я и на самом базовом уровне едва вывожу – а тут это?

Анна всю жизнь страдала заблуждением, будто бы старшие сестры умнее младших. Заблуждение, которое Сара решительно отказывалась разделять – кроме тех случаев, когда это было ей на руку. Сейчас – не было.

Анна-Кат подалась вперед.

– Позвони Филу. Тебе нужна его помощь.

Сара подавилась чаем и так закашлялась, что из глаз у нее потекли слезы.

– Ни за что на свете! С меня хватило и его присутствия в мамином доме во время ее болезни! Что он вообще там забыл?

– Да ладно тебе. Совершенно очевидно же, как они с мамой друг к другу относились.

– Я решительно отказываюсь верить, что мама по-настоящему любила его. Это было кратковременное увлечение. И вообще, она была не в себе.

– Фил ей подходил. А ты с ним и пары слов не сказала.

– Сказала!

– Добрый день? Спокойной ночи? Ты его всеми силами избегала.

Сара сощурилась. Она лишь усилием воли удерживалась, чтобы не завопить во все горло: «Ты мне не указ!» Она снова отхлебнула чая, молча гордясь своим неслышанным самообладанием.

Недавно отошедший от дел Фил Дворник был не только владельцем «Айрис Букс», но и бессменным редактором Кассандры на протяжении двадцати лет. Сара прекрасно знала, что именно он дал Кассандре старт – и да, что он был лучшим в издательском мире. Но еще он был стар, вспыльчив и *не любил чай*.

Анна положила руку на локоть Сары.

– Тебе надо ему позвонить.

– Мне надо *домой!*

Сара отнесла чашку к раковине и тщательно вымыла, замочив в процессе рукава. Внезапно ей до смерти захотелось уйти отсюда. Вот только дополнительного давления по поводу Филадельфии ей не хватало.

– Ладно, ладно. Не будем сейчас о Филе. – Анна начала разгружать посудомойку, громко звеня посудой.

Сара взяла сумку и направилась к парадной двери. Анна перекинула полотенце через плечо и поспешила за сестрой. Сара знала: Анна не выносит, когда кто-нибудь покидает ее дом сердитым, даже если она ни в чем не виновата.

Взгляд Анны снова смягчился.

– Как-нибудь со всем разберемся, слышишь?

Сара в это не верила, но пробормотала не слишком искреннее спасибо.

– Твои шлепанцы, кажется, во дворе.

– Оставь их себе.

– Слушай, – Анна со всех сил старалась быть конструктивной, – может, тебе потихоньку начать перечитывать ее книги? Ну знаешь, чтобы прочувствовать мамин темп и стиль?

– Анна, там восемнадцать книг. А у меня пока еще есть работа. – Сара понимала, что уже откровенно вредничает.

– Дай всему улечься в голове, ладно? А план действий мы придумаем. – У Анны-Кат в жизни было три больших любви: Джеральд Т. Грин, ее дети – и планы действий, причем не обязательно в этом порядке. – Уверена, что Люси, мамин новый редактор, тебе всегда поможет. Может, надо попросить ее поговорить с Филом.

– Перестань выдавать эту катастрофу за что-то осмысленное. А вот насчет Филадельфии ты права. Мне с ним разговаривать незачем. – Сара видела разочарование в глазах Анны. Ее сестра была прирожденной решательницей проблем, переговорщицей, способной торговаться с террористами за жизнь заложников, разделявая курицу к семейному обеду. Но Сара не хотела решать эту проблему. Она хотела, чтобы кто-то сделал так, чтобы эта проблема исчезла. *Пуф* – и нету. Вот и все.

Попрощавшись с Анной, она босиком зашлепала обратно к машине. Пора домой, к Гэтсби. Собаки отлично ладят с вредными людьми. А вдруг быть вредной и есть ее новая нормальность.

Бывают вещи и похуже.

Глава 5

Если ты начинаешь спрашивать себя...

«А писатель ли я на самом деле?»

Художник ли?» – скорее всего, да, так и есть.

Изобретатель-самозванец полон уверенности в себе.

Настоящий – боится до смерти.

Стивен Прессфилд

Гэтсби был золотистым лабрадором, который вылетел из Луисвильской школы собак-компаньонов за «проблемы с вниманием в местах с оживленным уличным движением» и «неуместную гиперактивность» в продуктовых магазинах. Майк с Сарой были женаты три года, и Сара хотела детей, а Майк нет. Тогда-то им и подвернулся Гэтсби. Сара всегда испытывала сочувствие к неудачникам. У Гэтсби была бледно-желтая, как масло, шерсть, большие висящие уши и выразительные карие глаза, отчетливо говорящие Саре три вещи: 1) я прекрасно тебя понимаю, 2) все будет хорошо, и 3) без Майка нам только лучше. Последняя фраза, относительно новая, отчетливо появилась в глазах Гэтсби сразу после того, как Майк бросил Сару.

Когда Сара пришла домой, Гэтсби немедленно осыпал ее всеми знаками внимания и любви, какие только доступны собаке. Она взъерошила ему шерсть на спине и потерлась щекой о шею, а потом приняла две таблетки ксанакса и завалилась в кровать.

Гэтсби положил голову ей на колени. Майк ни за что на свете не пустил бы собаку в постель. Сара лежала, бездумно переключая каналы. Любимые кулинарные передачи несколько месяцев назад утратили былую прелесть. Еда перестала привлекать и на вид, и на вкус уж тем более. Сара включила какую-то британскую комедию, но не сумела на ней сосредоточиться. Тогда она вывела Гэтсби на прогулку, но от злости на маму постоянно ускоряла шаг, а Гэтсби плелся медленно и все обнюхивал.

После прогулки она попыталась заснуть, но лишь переворачивала и переворачивала подушку, пока злость и досада ее не растворились в глубокой, всепоглощающей грусти. Сара вцепилась в подушку, ощущая себя невероятно слабой, никчемной, никому не нужной. А ведь было время, когда она взялась бы за книгу не раздумывая, даже с радостью.

Она позвонила Анне-Кат.

– Я не очень храбрая, – прошептала она.

– Ты о чем? – Спросонья Анна еле ворочала языком.

– Раньше я была храброй. Стремилась к своей мечте. Считала, что на что-то способна. Как ты думаешь, Майк на самом деле именно потому и ушел? Потому что ему нужна жена похрабрее?

– Майк идиот. Сам не знает, что потерял. Ему не храбрая жена нужна, а мозги.

– Ну да. Ты права. Конечно, ты права.

– Уже поздно. Поспи хоть немного. Завтра что-нибудь придумаем. Выработаем план действий.

Сара выключила лампу. Гэтсби тихонько похрапывал на полу рядом с ней. В наступившей темноте она смотрела на очертания окна. По краям жалюзи просачивались отсветы уличных фонарей.

Сара снова включила лампу и опустилась на колени перед туалетным столиком. Выдвинула нижний ящик. Как и всегда, стоило его открыть, воздух наполнился ароматом лаванды от засохших веточек из мамино сада. Это была мамина идея, сразу после ухода Майка – сделать утешительный ящик. Чтобы в нем хранились «утешения и возможности» – что, на взгляд

Сары, звучало довольно глупо, но спорить она не стала. Анна-Кат тоже завела себе такой ящик, но не сказала Саре, что туда положила.

Сара вытащила старое издание «Истории о кролике Бенджамине» Беатрис Поттер. Это была папина книжка. Он прочел Саре все книги Поттер. У Сары хранилась фотография – их семья у каменной стенки дома Поттер в Озерном крае, одна из последних семейных поездок перед тем, как папа окончательно разболелся. Сара, семилетняя, стоит перед отцом, его сильные руки лежат у нее на плечах, лицо утомленное, но все еще красивое. У них с папой были одинаковые карие глаза и каштановые волосы. В Саре было так мало отцовского, что она всегда считала свои глаза подарком от него и только ей, лично. У Анны-Кат глаза были голубыми, в маму.

Кроме того, в ящике лежала еще одна фотография – они с Гэтсби (а Майк вырезан); рассказик, который Сара написала в старших классах и который получил принстонскую премию; и коричневая картонная папка со множеством литературных наград, полученных ей в школе и на первых курсах. Мама написала на папке: «Следующему писателю в семье!» В то время жизненный путь Сары казался таким очевидным. Следом из ящика появился тоненький красный шарфик – этим шарфом у мамы были повязаны волосы почти на всех ее студенческих фотографиях из Джорджтауна. Именно там родители и встретились. Отец Сары, Джек Грейсон, был британцем, который любил все американское и женился на американке, любившей все британское. Сара достала его записную книжку в кожаном переплете. Мама отдала ей эту книжку прошлым летом, после ухода Майка.

Сара убрала обратно в утешительный ящик все, кроме записной книжки, и забралась обратно в постель. И уснула, вцепившись в книжку, точно в спасательный круг.

* * *

В ту ночь ей приснилось шумное семейное сборище, на котором мама тихо сидела в уголке, словно знала какой-то секрет, но не хотела никому рассказать. Проснувшись, Сара все еще ясно видела маму из сна. Что она скрывала? Рывком сев на постели, Сара схватила с ночного столика бумажный блокнот. Науглила даты выхода книг из серии про Эллери Доусон и занесла каждую в график. Потом проделала то же самое для книг о Коби Маклайне – серии, которую мама написала до Эллери. Все книги каждой серии укладывались в одну и ту же схему. Сара с размаху бросила ручку на блокнот.

– Ха!

Дэвид Оллман решительно ошибался.

Совершенно очевидно, что мама уже написала книгу. Осталось только ее найти.

По обычному графику Кассандры пятая книга должна была попасть в руки издателей еще до того, как мама вообще заболела. Сара подбросила блокнот в воздух. Ну конечно, конечно, книга уже написана.

– Отличная шутка, мам, – сказала она, чистя зубы, насыпая Гэтсби завтрак – и поздравляя себя со способностью делать два дела одновременно. Но тут же накапала зубной пастой изо рта на сухой корм.

Теперь Саре стало яснее ясного: узнав о болезни, Кассандра поняла, что под этим предлогом может заставить Сару снова начать писать. Видимо, смертельный недуг даже в самых хороших людях пробуждает склонность к манипуляциям и пассивной агрессии. Наверняка мама сказала Дэвиду, что не закончила книгу, специально чтобы Сара посчитала своим долгом завершить серию. Во всем этом была какая-то извращенная логика.

Приняв душ и приготовившись к новому дню, Сара испытывала даже что-то вроде надежды. Она позвонила на работу и сказала больно, хоть и чувствовала себя слегка вино-

ватой, что прогуливает уже на второй день после возвращения, но сегодняшняя миссия была важнее: *найти книгу*.

По дороге к маминому дому она позвонила Анне-Кат.

– Я составила график маминой работы над «Эллери Доусон». Что бы она там ни наговорила Дэвиду, лично я уверена: она эту книгу уже написала. Наверняка. Скорее всего, она спрятана в каком-нибудь файле у мамы на компьютере, или в ящике, или на флешке, или в облаке.

– Тогда зачем мама сказала Дэвиду, что никакой книги в помине нет?

– Ну ясно же – хотела заставить меня писать. Но не стала бы мама оставлять это все на меня без хоть какого-нибудь запасного варианта. Любимых литературных персонажей не бросают на милость дочери, которая провалилась даже в качестве автора подписей к поздравительным открыткам. Я еду к маме – обыщу ее кабинет.

– Проверить точно стоит.

Сара слышала звон посуды и голоса распевających на заднем плане Джуда и Ливви.

– Можешь позвонить этой Люси из издательства и попросить у нее черновики пятой книги, которые мама ей присылала?

– Сара, мы же не знаем, были вообще черновики или нет.

– А ты держись так, будто мы знаем! Притворись, что мы полностью в курсе происходящего. И у Филя попроси, ладно?

– Ну хорошо. Я везу детей в школу к девяти. Позвоню после встречи с первым клиентом.

Такого прилива энергии Сара не испытывала уже много недель. Ее поставили перед жуткой перспективой дописывать самую популярную серию в мире – но теперь перед ней замаячила надежда на спасение.

Оно совсем рядом.

Глава 6

*Я переношу все на бумагу,
тогда призракам не так больно.
Сандра Сиснерос*

Кассандра Бонд двадцать один год прожила в этом доме тюдоровского стиля. Вымощенная кирпичом дорожка вела к арке входной двери и продолжалась под сенью увитой розами каменной шпалеры по другую сторону. Паркуясь, Сара не могла отделаться от чувства, что мама окажется дома. Если закрыть глаза – так легко представить, что никакого рака не было вовсе, что мама сейчас пишет у себя в кабинете с Мисс Марпл у ног и нетронутой чашкой чая под рукой. Отогнав эти мысли, Сара повернулась к Гэтсби, беззаботно восседавшему на переднем сиденье.

– Сегодня у нас есть цель. Понял? У нас важное дело.

Гэтсби уперся лапами в стекло, ему не терпелось выскочить наружу.

Сара жила здесь с десяти лет до отъезда на учебу в Университет Виргинии, и даже сейчас это место казалось ей родным домом. Кассандра обставила его в стиле английского сельского коттеджа и за двадцать лет практически ничего не поменяла, невзирая на постоянные уговоры Анны. Много лет назад «Вестник архитектуры» выпустил репортаж о доме Кассандры. Если приглядеться повнимательнее, на фотографии столовой можно было разглядеть кусочек Сариного локтя.

Она отперла дверь, стараясь не обращать внимания на то, как Гэтсби в поисках мамы рванулся сразу в кабинет, а потом в спальню. Собакам со смертью тоже нелегко.

Она прошла в тихую кухню. Утренний прилив энергии развеялся, лишь стоило учуять витавший в воздухе слабый запах маминых свечей с ароматом гардении. Домашние цветы и суккуленты по-прежнему благоденствовали в терракотовых горшках и керамических вазах перед высоким кухонным окном.

В сердце Сары всколыхнулось привычное тяжелое горе. Она остановилась и несколько раз глубоко вздохнула. Обычно они приходили сюда вместе с Анной.

Телефон загудел – пришло сообщение. Сара пробовала новое приложение, которое каждый день присылало какое-нибудь подбадривающее изречение на фоне умиротворяющего пейзажа. Вчерашнее сообщение гласило «Я не стану сравнивать себя с незнакомцами в интернете». Сегодняшнее: «Я сам себе супергерой». Сара прочитала это вслух, выпила стакан холодной воды и заставила себя войти в мамин кабинет.

Гэтсби уже валялся рядом с излишне мягкой цветастой софой. Сара провела пальцами по стоявшему в просторной оконной нише маминому письменному столу из красного дерева – еще викторианских времен, наследие отцовской семьи. За этим самым столом когда-то писал отец. Тогда стол еле влезал в угол родительской спальни их лондонской квартиры.

Сара села за стол и отыскала список маминых паролей – мама вручила его им с Анной, когда заболела. Включив мамин компьютер, она принялась за поиски. Притащила на стол стопку книг про Эллери и попробовала поискать в них ключевые слова и фразы для пятой книги. Просмотрела все внешние диски. Когда поиск принес несколько многообещающих документов, сердце у нее забилось быстрее. Но она тут же понурилась плечи. Все это были лишь разные контракты.

Тогда Сара перешла к маминой электронной почте. Уж, наверное, мама посылала черновики Люси или Филу. Поиск по ключевым словам в почте оказался делом нелегким – и принес сотни писем, а всего между Кассандрой и ее литературной командой их были тысячи.

Она залогинилась в личной почте Кассандры и начала искать там. Одно письмо, датированное прошлым августом, оказалось от нее самой. Горло у Сары болезненно сжалось.

От: Сара Грейсон
Кому: Кассандра Бонд; Анна-Катерина Грин
Дата: Вторник, 2 августа, 7:02
Тема: Он ушел

Мама, Анна, он ушел. Вчера вечером мы поссорились. Он сказал, его стартап провалился потому, что я в него не верила. Он спал на диване. Я спала с Гэтсби. А когда проснулась, он оставил мне на футоне книгу «Есть, молиться, любить» и записку:

«Сара, мы оба знаем, что мне пора уйти. Отправляюсь поехать по миру. Хочу найти себя. Тебе тоже стоило бы. Я взял „субару“. Оставлю на парковке в Даллесе. Нам было хорошо, но, полагаю, мы оба знаем, что настало время двигаться дальше.

Всего хорошего,
Майк».

От: Анна-Катерина Грин
Кому: Сара Грейсон, Кассандра Бонд
Дата: Вторник, 2 августа, 7:16
Тема: RE: Он ушел

Ох, Сара, бедная моя. Я сейчас приеду.
P. S. Какого черта? Не мог себе убер вызвать? Бросить жену и заставить ее забирать машину из аэропорта?
P.P.S. Как будто он вообще в состоянии понять Лиз Гилберт!

Мама была в отъезде. Она написала:

От: Кассандра Бонд
Кому: Сара Грейсон, Анна-Катерина Грин
Дата: Вторник, 2 августа, 8:42
Тема: RE: Он ушел

Ох, милая. Пусть уходит. И не верь Майку. Его стартап провалился потому, что он не знает разницы между понятиями «друзья» и «жертвы». Я еду домой. Люблю тебя.

Сара не любила вспоминать то утро девять месяцев назад. Она уже несколько лет не была счастлива в браке, но такой резкий уход – с запиской и книгой – обдал ее холодом и болью. Последний раз они поссорились как раз из-за Кассандры. Майк хотел снова одолжить у нее денег, чтобы спасти от банкротства свой стартап по разработке «революционного» приложения для занятий спортом. Сара сказала – ни за что на свете они не станут больше просить денег у мамы. Кассандра и так уже потратила на два прошлых стартапа Майка не одну тысячу долларов. Сара сказала, пора уже пустить в дело юридический диплом и найти себе настоящую работу с постоянной зарплатой. Майк сказал – у него более масштабные планы и грандиозное будущее, чем становится обычным вашингтонским адвокатом, как его отец. Ночь он провел на футоне в кабинете. В то время он нередко проводил ночи именно там.

Обнаружив на следующее утро книгу и записку, Сара буквально дышать не могла. Написав маме и Анне, она забралась обратно в постель. Ей было очень важно, чтобы они все узнали, – и в то же время почти всерьез хотелось, чтобы они не получали этого письма много дней, а она бы могла так и прятаться под одеялом.

Через час в сумрачное жилище Сары вошла Анна. Она всегда исповедовала принцип «открой ставни ипусти в комнату солнце». Но не тем утром. Тем утром она отправилась пря-

миком на кухню, заварила чай и приготовила тосты, пока Сара продолжала валяться в постели. Потом принесла ей завтрак на подносе, открывать окно не стала, а улеглась рядом с Сарой и посмотрела с ней несколько эпизодов «Кондитерских войн» подряд. На обед она заказала тайской еды навынос. Она дала Саре волю выговориться и выплакаться и заварила еще чая.

Потянулись мучительно медлительные, темные и пустые дни. Через пять недель после ухода Майка Саре приснилось, что ее отец приехал в город и остановился у нее. Они приготовили завтрак, он ходил по дому в нарядной фланелевой пижаме и сером полосатом халате. Выглядел он куда старше тех тридцати восьми, в которые умер. Утренняя щетина совсем седая, глубокие морщины, веером расходящиеся от уголков глаз. Но, даже постарев, он остался таким же красивым, как в воспоминаниях Сары. Он крепко обнял ее, и она чувствовала себя любимой с головы до пят. Они ели бейглы с джемом и сливочным сыром. Папа сказал, он может оставаться тут сколько угодно, пока нужен ей. Она осмотрелась вокруг, внезапно застеснявшись своего неубранного дома, испытывая острое желание немедленно привести все в порядок.

На следующее утро Сара проснулась в шесть часов, легко и просто, всей душой ощущая тепло отцовской любви. Прижав подушку к груди, она несколько минут наслаждалась этим чувством. А потом тело ее наполнилось новой энергией. Она влезла в спортивный костюм и кроссовки, распахнула окна и принялась мыть и оттирать все подряд. В сердце ее ворвалось ощущение свободы – ощущение, про саму возможность которого она давно забыла. Мама и Анна-Кат присоединились к ней ближе к вечеру и помогли упаковать горы вещей Майка. На следующий день Сара купила на постель новое покрывало и спинку в изголовье. Анна принесла несколько новых подушек и букет цветов на ночной столик.

Дом Сары словно бы обновился. Стал лучше. Боль утраты, конечно, все еще висела в воздухе, точно дым, иногда сгущаясь сильнее. Шесть лет брака оставили за собой слишком много вопросов. Но наряду с ними в Саре крепло ощущение, что это была необходимая потеря, с которой стоило примириться давным-давно. Ей просто никогда не хватило бы сил уйти самой.

– У меня есть цель, – повторила она, стараясь сосредоточиться на сегодняшней задаче. Перебрала бумаги в секретере, проглядела ящики письменного стола в поисках документов или внешних дисков.

Ничего.

Ей удалось найти несколько флешек, но на них оказались только черновики речей и презентаций. Сара даже ланч пропустила, просматривая файлы на мамином ноутбуке и планшете.

Ничего.

Тогда она вытащила девять здоровенных коробок с документами из кладовки при кабинете. Перелопатила их все до единого.

По-прежнему ничего.

Глава 7

*Ради всего святого, не публикуйте ничего,
пока вам не исполнится тридцать.*
Вирджиния Вульф

Три дня спустя.

Текстовое сообщение в пятницу, 17 мая, 10:44

Бинти

Подруга, что с тобой? Вышла на работу, а теперь снова исчезла. И на телефон не отвечаешь. Все в порядке?

От: Ветеринарная лечебница Бетесды

Кому: Сара Грейсон

Дата: Пятница, 17 мая, 11:00

Тема: Гав! Гав!

Дорогой Гэтсби! Ты пропустил свой вчерашний осмотр с головы до кончика хвоста. Пожалуйста, напomini своей хозяйке, Саре Грейсон, что таким взрослым песикам, как ты, необходим ежегодный осмотр, который поможет им сохранить здоровье и бодрость.

С дружеским гав-гавом!

Доктор Пэт

От: Зои («Клевые купоны»)

Кому: Сара Грейсон

Дата: Пятница, 17 мая, 11:15

Тема: Надо поговорить

Привет, Сара. Что у тебя там происходит? Пора поговорить начистоту. Твой вариант для эскейп-комнаты звучит, как будто его писали для старичья вроде моей маман. Пожалуйста, перепиши к пятнице. Если не получу от тебя ответа сегодня же, отдам это направление Брили, а ты вернешься на таитянский жемчуг. Докажи мне, что ты этого хочешь.

Зо

Старший супервайзер проекта

«Клевые купоны Инт»

* * *

Она стояла перед дверью.

Нельзя же вечно так и избегать этой комнаты.

Гэтсби заходил туда и выходил, как будто так и надо.

За три дня она обыскала все остальное – и ничего не нашла. Анна поговорила с Филом, который сказал, что в глаза не видел никаких черновиков к пятой книге. Люси, мамин редактор, была где-то за границей и не отвечала на звонки.

Сара не заходила в мамину спальню со времени ее смерти – двадцать четыре дня. И вот теперь стояла в дверях, нерешительно заглядывая внутрь. Сиделки и больничные медсестры унесли все, что имело отношение к медицине, а приходящая раз в неделю домработница привела спальню в тот вид, в каком она была до болезни Кассандры. Почему-то видеть ее такой

чистой, свежей и нормальной казалось даже сложнее, чем когда тут происходило самое страшное.

Пятнадцать минут.

Единственный раз, когда они оставили ее одну. У Кассандры начали отказывать почки, врачи говорили, остались считанные дни. Сара и Анна-Кат не отходили от ее кровати, твердо решив, что их мать не должна умирать в одиночестве. Она слабела на глазах. Кожа у нее становилась все бледнее и мучнистее. Иногда она что-то слабо шептала, но разобрать слова было сложно.

В то утро Анна-Кат ненадолго отлучилась забрать из школы заболевшего Джуда, а больничная медсестра уже ушла после утреннего обхода. Саре отчаянно требовалось в душ. Она решила, что примет его очень быстро, туда и обратно. Но, подставив усталое тело под теплую воду, простояла там дольше, чем собиралась. Выскочив наконец из-под душа, она накинула халат и пошла в мамину комнату проверить, как она там, перед тем как одеться.

Она торопливо влетела в спальню, но тут же замерла. В комнате висела тяжелая тишина. Стоя в изножье постели, Сара заглянула маме в лицо. И ахнула, прижимая пальцы к губам. Ей не требовалось проверять ни мамин пульс, ни дыхание. Мамы не стало – и Сара знала это. Чувствовала. Она медленно обошла кровать и опустилась на краешек рядом с мамой. Потрогала мамину руку, еще теплую и мягкую, уткнулась головой маме в плечо. А потом стала целовать ее лицо, снова и снова повторяя, как ее любит.

Она слышала, как к дому подъехал автомобиль Анны-Кат. Слышала, как ахнула сестра, войдя в комнату.

– Нет-нет-нет. – Анна с криком бросилась к постели с другой стороны. – Ох, мама. Я так хотела быть рядом.

Она схватила маму за руку, прижалась к ней щекой. Слезы катились у нее по лицу и стекали на руку Кассандры. Казалось, мама все еще тут – ласковая, успокаивающая. Потянувшись через ее тело, Анна взяла Сару за руку, и они вместе обняли маму, в последний раз ощущая тепло этих общих объятий.

Прошло ровно двадцать четыре дня. Сара смахнула с лица слезы и медленно вошла в спальню.

На столике возле кровати все еще высилась стопка книг. На спинке маминого любимого мягкого кресла висел желтый шерстяной платок. Гэтсби обнюхал пустой матрасик Мисс Марпл в углу.

В розовой с желтым комнате не было почти ничего, кроме одежды, книг и небольших фотографий в рамках, в том числе и их последний семейный портрет. На одной стене висела картина Мэри Кассат, на другой – карта Лондона в рамке. Никаких коробок с бумагами. Никакого компьютера. Никакого напоминания о писательстве Кассандры, если не считать любимых книг – раскиданных отдельными стопками и выстроившихся на двух небольших полках. Кассандра никогда не читала только одну книгу за раз. Сара понятия не имела, как она в них не путалась.

Сара по очереди заглянула в каждый ящик и пошарила внутри, не найдет ли какой-нибудь листок или внешний диск.

Она вздохнула. Ничего, кроме аккуратно сложенной одежды, – вполне ожидаемо. Но грустно.

Вытащив пару маминых теплых носков, она всунула в них босые ноги. А потом открыла последний ящик. Заглянула туда – и медленно выдохнула.

Мамин утешительный ящик.

Притянув к себе Гэтсби, она вытащила стопку открыток на День матери и просто рисунков, которые Сара и Анна-Кат дарили маме в детстве. Еще там лежал мужской галстук в желто-зеленую полоску – папин, от формы, которую он надевал в Лондонскую школу. Еще – коробка

«линдтовских» трюфелей, в которой осталось всего две конфетки, бусы с крохотным красным сердцем, совсем пряничным с виду, полная бутылочка лимонного лосьона и томик стихов Элизабет Баррет Браунинг. В книжке хранилось несколько любовных писем от отца Сары к ее матери. Сара уже сотни раз читала и перечитывала их. Они изобиловали чисто британскими словечками, которые американцы употребляют так редко. Словечками типа «очарованный», «сраженный», «обольщенный». Слова, от которых в детстве – да и до сих пор – ее наполняла радость, звенящая точно щекотка. Сара сунула одно из писем в задний карман джинсов.

В самом дальнем углу, обернутая в шелковую голубую нижнюю сорочку, лежала потрепанная книга с оторванной обложкой. Ни названия, ни имени автора. Выглядела она не столько старой, сколько зачитанной. Или вытащенной из-под автобуса. В ней было 423 страницы. Сара нашла название – вверху слева на каждой странице начиная с первой главы. Но справа не был указан автор. «Безмолвие в Степни». Близ их дома в Ист-Энде был парк с таким названием. Сара задумалась, почему книга пришла в столь печальное состояние – и почему она настолько дорога ее матери, чтобы храниться в утешительном ящике. Она аккуратно вернула все вынутые предметы обратно, но книгу оставила себе. Может, Анна-Кат знает, что это.

Она медленно вернулась в кабинет. Телефон завибрировал. Сообщение.

От «Ежедневные аффирмации»:

Ваша бесплатная пробная версия закончена. Натяните позитивные штаны! Нажмите сюда, чтобы подписаться на ежедневные аффирмации всего за 3,99 доллара в месяц! Жмите прямо сейчас!

Сара выключила телефон и оставила на кухне. Голова у нее болела от поисков. Но сердце болело еще сильнее. Как оказалось, сердиться на ту, по кому так нечеловечески скучаешь, довольно энергозатратно. Она даже пытаться устала.

Она вошла в кабинет, перешагивая через стопки папок, коробок и бумаг. И растянулась на полу.

– Ну же, мама, – прошептала она. – Ты же вовсе не хочешь, чтобы я писала эту книгу. У тебя должен быть запасной вариант. Просто покажи мне, где он спрятан.

Гэтсби подскочил и потрусил к парадной двери, услышав, что у них появилась компания. Анна-Кат вошла в кабинет и, приподняв брови, обвела взглядом царящий вокруг разгром. Она была только что с работы: в серых брюках и укороченном синем жакетике, светлые выющиеся локоны, как всегда, безупречны. Сбросив туфельки, она аккуратно прошла меж коробками и разгребла место, чтобы усесться рядом с Сарой, по-прежнему валявшейся на полу во вчерашних спортивных штанах и футболке.

– Я наконец дозвонила до маминой редакторши, – сообщила она.

Сара так и подскочила, преисполнившись внезапной надежды.

– Ты говорила с Люси?

– Никаких черновиков.

Сара повалилась обратно на пол.

– И вот еще что странно. Люси сказала, мама работала над каким-то другим проектом – мама настаивала, что Эллери Доусон придется подождать. «Айрис Букс» дали ей дополнительное время на книгу с условным сроком запуска в печать в следующем году, но мама не сказала ни Люси, ни «Айрис Букс», что это за новый проект. Когда мама заболела, Люси уже больше не спрашивала. Так что фактически, когда мама должна была писать «Эллери Доусон», на самом деле она писала что-то совершенно другое. Но никто не знает – ни что это было, ни где это теперь. Люси думала, как раз *мы-то* и должны знать, что она там писала.

– Плохо дело. – Сара закрыла глаза руками.

– Я спросила Фила, не знает ли он еще чего-нибудь. Он уверяет, что мама даже не начала пятую книгу и что они уже больше года не говорили о серии. Не понимаю, как это вообще возможно, учитывая, сколько времени они проводили вместе.

– Не так уж и много.
– Они были неразлучны, – возразила Анна.
– Ты преувеличиваешь.
– Мама была с Филом в Европе, когда сорвалась к тебе после того, как Майк ушел.
– Ничего подобного. Она была в Мэне. Одна. – Сара не сомневалась, что мама была в Мэне.

Анна покачала головой.

– Ладно, неважно. Словом, Люси хочет поговорить с тобой как можно скорее. В «Айрис Букс» только что узнали, что ты – выбранный мамой продолжатель. У меня сложилось впечатление, они планировали кого-то другого.

– Да что ты говоришь!

– Они хотят встретиться с тобой как можно скорее.

– Знаю. Я получила добрую дюжину эсэмэсок от Дэвида Оллмана, маминогo агента, и еще какой-то Джейн из «Айрис Букс».

– Сара, мама не оставила никакой рукописи.

Сара прижала пальцы к глазам.

– Знаю.

– Люси сказала, пока прессе ничего неизвестно, но в издательстве начинают нервничать. Очень хотят узнать, как у тебя с книгой. И срочно встретиться с тобой. Они едут в Вашингтон.

Сара села. Сделала глоток воды из бутылки и повалилась обратно. Анна-Кат вытянулась рядом.

Несколько минут они пролежали молча.

Сара разглядывала потолок.

– Если чуть-чуть прищуриться, различаешь силуэт белки.

Анна прищурилась.

– Больше похоже на маяк.

Сара закинула руки за голову.

– Анна, может, тебе самой ее написать.

– Я слишком хорошая. В книге будут сплошные красивые интерьеры – и ни с кем не случится ничего плохого.

– Звучит как бестселлер.

Анна села и принялась складывать папки обратно в коробки.

– По-твоему, отец Эллери и вправду погиб?

– Откуда мне знать? Я не знаю даже, найдет ли Эллери своего брата Чарли.

– Ну конечно, найдет. Это все во второй книге. А главная тайна пятой – про отца.

– Я слышала.

Анна медленно повернулась к Саре.

– *Слышала*, да? – Она несколько мгновений всматривалась Саре в лицо. – Тогда ты же помнишь, как было грустно, когда Чарли в четвертой книге наступил на мину?

– Э-э-э. Да. Ужасно просто.

Анна так свела брови, что они слились в одну.

– Никто в четвертой книге ни на какие мины не наступал. – Она схватила подушку с дивана и запустила Саре в лицо. – О боже ты мой, Сара! Ты даже не читала?

Сара перехватила подушку и зарылась в нее лицом.

– Я смотрела кино. – Из-за подушки голос у нее звучал почти неразборчиво.

– Смотрела кино?

– Ну да. С мамой.

– А книг так и не читала?

Сара застонала.

– Времени не хватало.

– Все пять лет?

Сара пожала плечами, по-прежнему уткнувшись лицом в подушку.

– Не понимаю. Ты же всегда читала все мамины книги. Была главной фанаткой. Ходила за ней по пятам, как маленький подмастерье. Как ты могла не читать эту серию – а тебе ведь продолжение дописывать! Какую последнюю книгу ты читала?

Анна вырвала у Сары подушку.

– Сознавайся давай!

Сара сглотнула.

– «Коби Маклайн». Серия перед «Эллери».

– Все книги?

– Почти.

– А «Мейс Келлерс»?

– Вот их все. Это моя любимая серия.

– Моя тоже. До «Эллери».

Анна снова швырнула в сестру подушкой. Сара села и прислонилась спиной к дивану, крепко обхватив руками поджатые колени.

– Ну ладно, – сказала Анна. – Не стану устраивать тебе сеанс психоанализа, но это, знаешь, серьезная фигня, которую тебе стоит проработать. Наверное, стоит упомянуть об этом твоему психотерапевту.

– Не раздувай из мухи слона. К твоему сведению, Сибил Браун-Бейкер говорит, что я очень хорошо функционирую.

Анна фыркнула.

– На прошлой неделе говорила.

– И вообще, это все не имело бы ровным счетом никакого значения, если бы мама не отдала меня на растерзание этому всему. – Сара больше не могла сдерживать слезы. – Ну за что она со мной так? – простонала она.

Анна демонстративно вздохнула и лягнула Сару в ногу. Та не ответила. Анна лягнула снова, сильнее.

– Перестань меня пинать.

Анна снова лягнула ее.

– Хватит!

– Сара, посмотри на меня.

Сара не поднимала глаз.

– У меня есть для тебя два слова. Посмотришь ты на меня или нет?

Сара наконец подняла несчастные заплаканные глаза.

Анна ткнула в ее сторону пальцем.

– Соberись, тряпка!

Сара смерила ее убийственным взглядом и снова уронила голову на колени.

– Я серьезно.

Анна снова лягнула ее. На этот раз Сара лягнула в ответ.

– «Соberись, тряпка» – ужасно токсичная фраза, – сказала Сара. – Мама ее терпеть не могла.

– Мама знала, когда она уместна. И ты тоже знаешь.

Сара вытерла глаза и сердито посмотрела на сестру.

– Соberись, тряпка. Сара, ты меня слышишь? Ведешь себя, как будто со стороны мамы это что-то совсем безумное и ужасное. Ты же преподаешь литературное мастерство. И сама написала роман. Это ж совсем не то, как если бы мама попросила меня. Мама, знаешь ли, не дура. Можешь ли ты и в самом деле написать эту книгу? Ну разумеется, можешь, просто

прекрати вести себя, как будто у тебя нет выбора. Ты НЕ ОБЯЗАНА ничего писать. Встреться с издателями. Выясни, чем они могут тебе помочь, а потом уже, черт возьми, решай сама.

– Думаешь, я могу выпутаться?

– Ты либо напишешь книгу, либо нет, но хватить уже себя жалеть.

Сара медленно кивнула:

– Ты права.

В груди у нее начало разливаться что-то вроде спокойствия. Возможно, она и в самом деле может сказать этой затее твердое «нет». Никто во всей вселенной не хочет, чтобы она писала эту книгу. Одна лишь мама никак не могла отделаться от заблуждения, будто бы Саре суждено стать писателем.

Сара поднялась на ноги, подошла к окну и меланхолически уставилась на мамин фиолетовый клематис, пышно цветущий на белой шпалере. Он цвел только в мае. Заставить его цвести в другое время никак нельзя – ну разве что, в теплице. Сара чувствовала себя так, словно и сама всю жизнь провела в теплице, где все окружающие ждали, что она расцветет какой-нибудь редкой орхидеей, тогда как она только и могла, попотев, отрастить пару-другую лопухов.

Она снова повернулась к Анна.

– Ты права. Мама поняла бы. Да, она загнала меня в ловушку. Мне придется встретиться с издателями – но будет совершенно нормально и отказаться.

Анна улыбнулась.

– Давай позвоним Дэвиду.

Глава 8

*Я понимаю, что всякий раз, беседуя с книгой,
пожинаю плоды чьего-то решения не молчать.*

Июнь Ли

Анна-Кат и Сара приехали в Джорджтаун в половине седьмого вечера, за час до встречи с Дэвидом Оллманом и сотрудниками «Айрис Букс». Анна всегда перестраховывалась, закладывая время на вечные пробки. И теперь, пока они убивали время в магазине деликатесов, нервы у Сары разгуливались все сильнее и сильнее.

После того как Анна велела ей «собраться» и что-нибудь решить, Сара успела потихоньку прийти к выводу, что имеет полное право ответить предсмертному маминому желанию «нет», – и собиралась именно так и поступить. Однако теперь желудок у нее сводило от страха. Как она подведет всю семью! Навсегда останется дочерью, отказавшей матери в последнем желании!

– Филадельфия ведь не будет, да? – спросила она.

– Я же тебе говорила. «Айрис Букс» все еще принадлежит Филу, но два года назад он передал дела Джейн Харнуа. – Анна понюхала жестянку с чаем, покачала головой и отставила обратно. – Его там не будет.

– Хорошо.

– Честно говоря, по-моему, Джейн тоже не сахар. Возможно, ты предпочла бы иметь дело с Филом.

– Очень сомневаюсь. И вообще, кто в наши дни еще пользуется этим выражением – не сахар? А ты – сахар?

– Сахар в четвертом ряду, – сообщила тощая продавщица, лицо которой было почти полностью скрыто высветленной челкой.

– Спасибо. – Анна вымученно улыбнулась и открыла очередную жестянку. – О-о-о... только понюхай. С бергамотом и апельсином – совсем другое дело. – Она сунула банку Саре под нос. – Прелесть же, правда?

Сара рассеянно понюхала и вернула банку сестре.

– Мама же поймет, правда? Про книжку.

– Все будет хорошо.

Народу в магазине все прибавлялось, а Сарина тревожность усиливалась. Ей казалось, у нее на груди висит табличка «Плохая дочь». Нужно как-то перетерпеть, выдержать встречу, сказать там, что собиралась, – зато потом полнейшее облегчение. Минувшая неделя растает, точно дурной сон, а Сара сможет жить дальше.

Она показала на скамейку перед магазином:

– Я тебя там подожду.

Она села снаружи, в теплом вечернем воздухе. Кизилые деревья стояли в полном цвету, эхинацея расцвела раньше обычного. От кондитерской «Джорджтаунские капкейки» тянулась длинная очередь. Обычно там приходилось постоять около часа. На прошлой неделе Бинти выложила в инстаграме ² фотографию мадагаскарского ванильного кекса с глазурью из бельгийского молочного шоколада.

Четыре года назад Сара с Майком поссорились из-за этой кондитерской. Они как раз отметили в «Кафе Милано» вторую годовщину свадьбы и пошли немного прогуляться. «Джорджтаунские капкейки» как раз недавно открылись, и Саре захотелось купить там пирожное на десерт. Но Майк отказался стоять в такой очереди.

² Социальная сеть, признана в России экстремистской.

– Ну давай. Говорят, тут потрясающие пирожные, – уговаривала она. Майк был в кислом настроении и хотел только мороженого. Сара попыталась найти компромисс. – Давай купим тебе мороженое, и ты его съешь, пока я стою в очереди.

Майк согласился, но, пока остальные парочки в очереди держались за руки или нежно льнули друг к другу, Майк проглотил свое мороженое в один присест и принялся со вкусом критиковать, как тут поставлен бизнес. Лично он бы переделал все так, чтобы ценным клиентам не приходилось толпиться в отвратительных очередях. Он предсказывал всему бизнесу бесславный конец не позднее осени – но, если бы во главе поставили его, уж он бы сумел поднять торговлю капкейками на совершенно новый уровень, недостижимую высоту. Устав от его нытья, Сара наконец бросила очередь и зашагала к парковке, оставив его стоять одного. Майк, которому уже не хотелось терять место в очереди, завопил ей вслед, чтобы она вернулась, и пришел в ярость, когда ему таки пришлось бросить очередь и бежать за ней.

– Ты не умеешь принимать разумные решения. Тридцать минут коту под хвост.

– Ну, не знаю. Ты успел выработать целый бизнес-план. – Сара, не оборачиваясь, шагала вперед.

– Ты даже не слушала! Не знаю, как мне поднимать стартап с нуля, когда ты совершенно не ценишь мои идеи.

Тут она остановилась и развернулась к нему.

– Да мы ни о чем другом, кроме твоих идей, не разговариваем.

– А что, у тебя есть какие-то свои идеи, о которых стоит поговорить? Ну давай! Рассказывай! Я слушаю.

Он сложил руки на груди и смерил Сару вызывающим взглядом. Она ничего не ответила, но молча кипела всю дорогу назад до дома. С тех пор она так и не попробовала джорджтаунских капкейков.

* * *

Ровно в половине восьмого Сара с Анной вошли в «Клайд». В ресторане висел характерный специфичный запах чесночного масла, жареного мяса и морепродуктов.

– Пахнет умопомрачительно, – сказала Анна.

Саре казалось – ее вот-вот вырвет.

Метрдотель отвел их в отдельный кабинет. В глубине комнаты, в камине из французского известняка, уютно горел огонь, хотя на улице было 75 градусов тепла³. Сбоку от длинного стола, накрытого на двенадцать персон, стоял сервировочный столик с фруктами, сырами, фаршированными грибами, крабовыми котлетками и мини-сэндвичами.

Хотя они пришли ровно в назначенные семь тридцать, но явно оказались последними. Все остальные уже разбились на группки и тихонько беседовали с бокалами в руках. Сара вцепилась в руку Анны. Колени у нее вдруг ослабели.

– Держись, – прошептала Анна. – Скоро все закончится.

Дэвид Оллман и двое его партнеров вышли им навстречу. Элейн Чэн, литагент Кассандры, спикировала на них и представила всех остальных собравшихся. Элейн всегда носила плаття без рукавов, и при виде ее идеальных скульптурных рук Саре хотелось немедленно начать делать отжимания. Ну, не то чтобы всерьез хотелось, но все же.

Люси Гленн-Келли, мамин редактор, с улыбкой шагнула в их сторону. У нее была буйная седая шевелюра, а замечания про внутреннюю энергию и чакры она вставляла в речь так часто и так небрежно, словно не сомневалась, что окружающие в такие вещи тоже свято веруют. Она обняла сперва Анну, а потом Сару.

³ По Фаренгейту, по Цельсию это примерно 24 градуса.

– Какая же отличная команда у нас складывается! О, а вот и Джейн. – Она показала на целеустремленно скользившую к ним женщину лет пятидесяти с небольшим.

Джейн носила элегантную стрижку боб-каре до плеч, но пряди, которым полагалось покачиваться вокруг лица, не покачивались, а словно бы застыли в воздухе. На ее одежде – накрахмаленная белая рубашка с единственной ниткой черного жемчуга и бежевая юбка-карандаш – не было ни складочки, ни морщинки. Да как такое вообще возможно? Взяв Сару за руку, она крепко пожала ее, придерживая второй рукой.

– Очень рада наконец познакомиться лично, – произнесла Джейн ровным и отчетливым голосом телеведущей из новостей. – Я в восторге, в полнейшем восторге.

Такие, как она, подумала Сара, вечно твердят, что они «в восторге», только по лицу этого ни за что не подумаешь. Джейн представила Сару остальным исполнительным директорам «Айрис» и группе юристов. Сара вымученно улыбалась. Не пройдет и часа, все тут будут знать, что она – слабачка, не питающая ни капли уважения к последнему желанию родной матери.

Дэвид предложил всем сесть и начать совещание, а потом отпустил официантов – для пущей конфиденциальности. Сара уселась рядом с Анной, Дэвид – во главе стола. Джейн оказалась ровно напротив Сары.

Дэвид очень тепло поприветствовал собравшихся. Сара была потрясена его непринужденностью и уверенностью в себе. В сером спортивном пиджаке по фигуре он выглядел куда собраннее и солиднее обычного. И очки новые? Может, эта канадская походница ему и правда на пользу. Сара напонила себе, как хорошо ей будет, когда все закончится. Если удастся не грохнуть в обморок в процессе.

Джейн не дала ему закончить:

– Позвольте от имени всего издательства «Айрис» выразить, как глубоко мы скорбим из-за кончины вашей матери. Предлагаю поднять бокалы в память о ней и ее трудах. У Кассандры Бонд была душа настоящего художника.

Раздался ропот одобрения. Все дружно подняли бокалы в память о Кассандре. Сара так вцепилась в свой, что боялась случайно раздавить.

Дэвид быстро перешел к делу:

– Вы все имели возможность освежить в памяти литературный контракт между «Айрис Букс» и Кассандрой Бонд, в первую очередь приложенное особое условие. Мне бы хотелось для начала пройтись по самым важным его пунктам.

Несколько человек за столом торопливо пролистывали розданные всем распечатки контракта. Сара открыла свою, но никак не могла найти нужную страницу. Ну как она умудрилась запутаться с самого начала? Покосившись на Анну, она кое-как сумела сориентироваться.

– Приложение к контракту Кассандры оговаривает, что в случае, если Кассандра Бонд-Грейсон, именуемая в дальнейшем КБГ, не в состоянии закончить значащуюся в контракте литературную серию, за ней сохраняется право самой выбрать автора, который упомянутую серию закончит. На нового автора распространяются все условия существующего соглашения, заключенного КБГ и «Айрис Букс» и обсужденного мной в общих чертах с представителями «Айрис Букс».

– Возможно, – снова вклинилась Джейн, – мы пока оставим все эти подробности и предоставим слово мисс Грейсон? Мы все рады будем узнать, что она собирается делать с книгой. Может быть, короткий пересказ сюжета в общих чертах?

Сара потянулась взять Анну за руку.

– Мисс Грейсон узнала о проекте всего неделю назад, – сказал Дэвид. – Едва ли это достаточное время, чтобы...

– Не сомневаюсь, – Джейн не сводила с Сары глаз, – что во время болезни вашей матери вы провели с ней очень много времени. Наверняка она обсуждала с вами книгу?

Элейн смерила Джейн тяжелым взглядом.

– Уж, верно, Кассандре было не до того.

– Собственно говоря, – заметил Дэвид, – мы надеялись, что *издательство* сможет предоставить *Саре* информацию о пятой книге. Люси, возможно, вы, как редактор Кассандры, поделитесь с нами тем, что вам известно.

Люси неуверенно переводила взгляд с Сары на Джейн и обратно – как будто влипла в мучительную тяжбу по опеке над ребенком и хотела лишь, чтобы все держали себя в руках.

– Вообще-то Кассандра рассказала мне только о некоторых ключевых моментах книги. Мы обсуждали несколько разных вариантов окончания, но, когда она заболела, сами понимаете...

Голос ее оборвался, глаза наполнились слезами. Она нервно вертела золотые браслеты на запястьях.

– Послушайте, – наконец заговорила Сара. Голос у нее дрожал. – Позвольте мне упростить вам всем жизнь. – Она сделала глубокий вдох и постаралась вспомнить заранее отрепетированные и заученные слова. – Хотя я глубоко благодарна моей матери за уверенность во мне как в писателе, думаю, для всех будет лучше, если я передам этот проект кому-нибудь другому.

Ну вот. Неужели она произнесла это вслух? Во рту у нее пересохло.

По комнате пробежал глухой рокот, Сара ощутила, как представители «Айрис Букс» разом выдохнули от облегчения. Выражение лица у Джейн на глазах стало куда расслабленнее. Морщина на лбу разгладилась.

– Что ж, мисс Грейсон. Я рада, что...

Элейн, литагент Кассандры, подалась вперед, опираясь кулаками в стол. Бицепсы у нее на руках обозначились четче.

– Сара, вы *уверены*, что хотите именно этого?

Дэвид тоже встревожено встрепенулся.

– Да-да... твоя мать была совершенно уверена, что писать книгу должна именно ты. У нее и тени сомнения не было. Я готов засвидетельствовать.

– Послушай, я глубоко признательна моей матери... – Почему голос у нее звучит так робко, так тихо? Сара сделала глоток вина и попыталась придать голосу больше уверенности. – Я не профессиональный писатель, а эта работа, на мой взгляд, заслуживает настоящего профессионала. Так что, мисс Харнуа, передаю ее в руки «Айрис Букс».

Она потянула воротник блузки. Почему тут так жарко?

– В юридическом отношении, если мисс Грейсон отказывается, право выбора автора принадлежит «Айрис», – сказал юрист издательства.

– Ну, да, я со всем почтением... отказываюсь.

По-хорошему, вот теперь Саре полагалось бы почувствовать облегчение. Волну, омывающую все ее тело, точно ласковый карибский ветерок. Сара ожидала, что, избавившись от безумного последнего желания матери, почувствует себя свободной, легкой, крылатой. А вместо этого на нее накатила невыносимая тревожность. Сара снова отпила вина и обхватила себя обеими руками.

– Что ж, – промолвила Джейн, – теперь, мисс Грейсон, мне бы хотелось просто поблагодарить вас. Я восхищена вашей отвагой и глубоким пониманием ситуации. Правда, глубоко восхищена.

– Спасибо, – слабо проговорила Сара и растерянно покосилась на Анну. Почему ее вдруг охватило чувство, будто она совершает самую большую ошибку своей жизни?

– На мой взгляд, решение мисс Грейсон демонстрирует глубокую мудрость и мужество, – продолжила Джейн сладко, но настойчиво. – Я, разумеется, в курсе ваших поползновений на ниве рекламы. Купоны на скидки. Конечно, совершенно не тот уровень подготовки, чтобы браться за бестселлеры.

– Сара знает, что делает, – отрезала Анна-Кат. – Она бы написала эту пятую книгу в лучшем виде!

– Конечно, конечно, – заворковала Джейн. – Я лишь хотела отдать должное вашему здравому смыслу. Отдать пятую книгу на откуп *non-litterateur* – не самое разумное решение. Но, надо полагать, Кассандра высказала это пожелание уже не в самом лучшем состоянии – что, разумеется, совершенно понятно.

Саре не нравилось терпеть оскорбления от женщины с неподвижными волосами. Она прищурилась, посмотрела на Джейн и слегка выпрямила спину.

– Не думаю, что у вас есть основания оспаривать ясность рассудка моей матери.

– Она была совершенно в своем уме, Джейн, – подтвердил Дэвид.

– Ну, теперь-то все обошлось, – сказала Джейн. – Давайте мисс Грейсон подпишет отказ от авторских прав, и будем двигаться дальше. Чтобы поскорее со всем этим покончить, правда же?

– Кассандра всегда говорила, что Сара очень талантлива, – заявила Элейн, глядя на Сару в упор.

Сара встретила ее взгляд.

– Она вам так и сказала?

– Она и мне говорила то же самое, – вмешалась Люси, игнорируя недовольный взгляд Джейн. – Кассандра всегда была неколебимо уверена в Сарином даровании.

Элейн повернулась к Джейн.

– Однажды Касс мне сказала, что у Сары природного таланта гораздо больше, чем у нее самой, и что, если в один прекрасный день Сара решит всерьез пустить его в ход, ей, Кассандре, только и останется, что уступить ей дорогу.

По стану «Айрис» прокатилась волна тихих перешептываний. Пульс Сары участился. Она чувствовала, как внутри у нее зарождается, растет что-то новое и непривычное.

Нет. Не новое. Скорее – просто основательно забытое. Она подумала о записной книжке отца, лежавшей сейчас у нее в сумочке, и о маминой записке про смелость. Сара покосилась на сестру. Анна улыбнулась и кивнула.

Джейн обвела комнату взглядом и явно занервничала. Теребя нитку черного жемчуга, она попыталась чуть притушить накал страстей:

– Наверное, это неудачно прозвучало, на самом деле это вовсе не о талантах мисс Грейсон как таковых. Но вы же согласитесь, что преподавание и сочинение мелких рекламных текстов нельзя в полной мере назвать тонким мастерством профессионального писателя. Это...

– Давайте уже подпишем бумаги? – перебил юрист «Айрис».

Сара вдруг испытала прилив внутренней энергии.

– Мастерство можно найти в любой отрасли сочинительства, Джейн. – С каждым словом голос у нее звучал все увереннее.

– Разумеется. И я прошу прощения, – сказала Джейн. – Полностью с вами согласна.

– А мне кажется, не полностью, – сказала Сара еще громче.

Джейн снова потрогала свой жемчуг. На лбу у нее вновь появилась напряженная морщина.

– Давайте и вправду подпишем документы, хорошо?

Она бросила панический взгляд на юристов.

Сара откинулась на спинку стула. Голову она держала выше, чем раньше. Обе ноги твердо упирались в пол.

– Очень милый жемчуг, Джейн.

Анна недоуменно покосилась на нее.

– Мой жемчуг? – переспросила Джейн.

Сара кивнула. Откинувшись на спинку стула, она на миг прикрыла глаза, пытаясь вспомнить свои же собственные формулировки, а потом продекламировала вслух:

– Жемчуг, возвращенный черным тропическим морем, мгновенно умчит вас на Таити, в путешествие, в котором возможно все. 39,99 доллара за незабываемый побег от обыденности – при помощи «Клевых купонов».

Джейн крепче стиснула ожерелье. Она резко побледнела.

– Я приобрела этот жемчуг не в «Клевых купонах».

Дэвид поднес руку к лицу, скрывая улыбку.

– Тут нечего стыдиться, Джейн. Я польщена, что мои слова сподвигли вас на такую разумную и экономную покупку.

– Ваши слова? – Джейн заставила себя опустить руки на колени. На лбу у нее проступила маленькая синяя жилка. – Если не возражаете, давайте вернемся к книге.

Сара посмотрела на Анну, а потом снова на Джейн. Сердце снова бешено билось в груди, но теперь – от новообретенной решимости.

Джейн откашлялась.

– Мисс Грейсон, приношу свои искренние извинения. Я не сомневаюсь в значимости вашей работы. А теперь подпишите, пожалуйста, эти бумаги, хорошо?

Сара уверенно улыбнулась и сжала руки перед собой.

– Спасибо... но нет.

– Нет?

– Нет. Пожалуй, я бы хотела написать эту книгу.

– Вы, разумеется, шутите?

– Разумеется, нет. – Сара смотрела Джейн прямо в глаза. – Для сочинителя мелких рекламных текстов вроде меня закончить такую большую серию – настоящий вызов. Звучит сногшибательно. Считайте, я в деле.

Сара бросила быстрый взгляд на Дэвида и Анну. Оба выглядели столь же изумленными, как она сама себя чувствовала. Откуда вдруг этот прилив уверенности в себе?

Джейн поглядела на своих юристов и ассистентов, по всей видимости, пытаясь понять, где же она ошиблась. Вся команда «Айрис» была в панике – кроме одной лишь Люси, которая улыбнулась себе под нос и намазала крекер мягким сыром.

Дэвид снова вступил в разговор:

– Уверен, что Сара может рассчитывать на безоговорочную поддержку издательства «Айрис» и всех его сотрудников.

Сара подняла бокал, обвела взглядом всех присутствующих и отпила из него.

Джейн дергала себя за ожерелье, шея у нее покраснела и пошла пятнами.

– Послушайте, – начала она, – наверное, я неудачно выразилась. Не то чтобы я не доверяла Кассандре... или... вам... Я...

Вся команда Джейн заворуженно наблюдала за тем, как начальство само себя закапывает. Все понимали, что надо бы тактично отвести глаза от сцены крушения, но не могли себя заставить.

– Джейн, послушайте, – сказала Элейн. – Книжки Кассандры превратили маленькое издательство Фила в одно из самых серьезных маленьких издательств в стране. Она могла бы отнестись «Эллери Доусон» кому угодно из Большой Пятерки, но не стала. Она доверяла «Айрис». Может, пришло время отплатить ей верностью за верность. Если она доверяет Саре, вам тоже стоит ей довериться.

В комнате стало очень тихо.

– Что ж, – проговорил Дэвид. – Нам надо еще многое обсудить, но на сегодня, наверное, хватит. – Он повернулся к Джейн. – Я свяжусь с вашими юристами. Мы хотим предложить

еще договоренность о неразглашении, чтобы Сара могла писать спокойно, без вмешательства или давления прессы.

– Хорошо. Но как насчет сроков? Книга должна попасть на прилавок следующей весной. Мисс Грейсон за такое время никак не успеть.

– Согласно договору, новый автор получает дополнительные шесть месяцев к существующему сроку. Страница шестнадцать.

Джейн повернулась к своему юристу.

– Это правда?

– Да. В техническом отношении мисс Грейсон получает время до 15 декабря, с тем чтобы книга вышла летом, а не весной.

– А что с вознаграждением? – Джейн вертела в руках салфетку. – Аванс, процент от продаж? – Она повернулась к юристу. – Надо пересмотреть это все. Возможно, мисс Грейсон рассмотрит возможность воспользоваться услугами гострайтера? И всем будет лучше. Согласны? Книгу пусть пишет она, но просто с помощником. Кто станет возражать против такого варианта? Просто помощник?

С каждой фразой ее голос звучал на полтона выше.

– В приложении оговаривается, что условия и гонорар остаются прежними, – сообщил Дэвид. – Почему бы на сегодня нам не остановиться на достигнутом, а я потом свяжусь с вами по поводу всяких подробностей?

Джейн сердито выдохнула и поднялась на ноги.

– Что ж, Сара Грейсон, судя по всему, у вас есть семь месяцев на написание самой долгожданной книги десятилетия. – Она взяла портфель и натянуто улыбнулась. – Будем на связи.

Свита Джейн потянулась за ней к выходу, неуклюже бормоча прощальные любезности. Проходя мимо Сары, Люси стиснула ее руку.

– Я тебе позвоню, – прошептала она. – У нас все получится.

Сара быстро кивнула.

Наконец в комнате остались лишь Дэвид, Анна, Сара и Элейн. Официанты принялись убирать со стола посуду. Негромко играл Кенни Джи – совсем как в любой другой нормальный вечер на нормальном ужине, где нормальные люди пришли насладиться стейками и морепродуктами.

Сара посмотрела на Анну широко распахнутыми глазами.

– Что это такое было?

Дэвид улыбнулся.

– Сдается мне, мой отец охарактеризовал бы это как «хорошую взбучку».

Пульс Сары уменьшился с бешеного галопа до обычной трусцы. Голова начинала болеть. Сара опрокинула в себя последние капли вина из бокала.

– Пойду прогуляюсь. Проветрю голову.

– Куда именно? – спросила Анна.

– В «Джорджтаунские капкейки». Возьму мадагаскарский ванильный с глазурью из молочного шоколада с ореховым маслом. И всякими присыпкам. Очередь меня не пугает.

И Сара вышла из комнаты.

Глава 9

*Я говорю своим студентам, что шансы на то,
они сумеют издаться и тем самым обрести
финансовую независимость, душевный покой
и даже радость, скорее всего, не слишком велики.
Крах, истерика, проблемы с кожей, нервный тик,
безденежье – это сколько угодно, а вот душевный покой —
наверяд ли. Я говорю им, что, на мой взгляд,
им все равно стоит писать.*

Энн Ламонт

На следующее утро, кое-как вывалившись из постели в поисках чего-нибудь от головной боли, Сара чуть не споткнулась о Гэтсби. Проглотив две таблетки ибупрофена, она плеснула в лицо холодной воды. Веки никак не хотели разлипаться. Она посмотрелась в зеркало. Под карими глазами – уродливые мешки, половина лица – вся в заломах от подушки.

– Что я наделала? – простонала она.

Вернувшись в спальню, она присела на краешек постели – напряженно, точно на край гигантской воронки, грозящей в любую секунду поглотить ее. На прошлой неделе она как раз видела репортаж, как карстовая воронка обрушила половину какой-то гостиницы. А в прошлом году воронка открылась под домом какого-то типа из Теннесси, когда он спал. Так потом даже тела его не нашли. Собака, правда, не пострадала.

Сара несколько минут просидела неподвижно, уставившись в пол. А потом опустилась на колени рядом с Гэтсби.

– Я по уши в неприятностях, – прошептала она. Но у Гэтсби не было настроения слушать жалобы. Ему хотелось на прогулку. Он дружески боднул хозяйку, чтобы вставала. Сара вывела его на крошечный задний дворик. В голове стремительно проносились события минувшего вечера.

Может ли она на самом деле написать эту книгу?

Хотя бы попытаться – должна. Если смотреть правде в глаза, вчера вечером Сара почувствовала, как к ней вернулось что-то давно потерянное. Пусть только слабые ростки уверенности в себе – но она не собиралась терять их снова.

На кухонной стойке лежала коробка с джорджтаунскими капкейками. Вчера Сара купила три коробки. Сама не знала – зачем. Она выбрала на завтрак шоколадно-кокосовый. Первая еда за несколько месяцев, вкус которой она по-настоящему чувствовала. Она съела второй. Кокос – это фрукт или овощ?

Потом она обняла Гэтсби.

– С чего начать?

От: Зои («Клевые купоны»)

Кому: Сара Грейсон

Дата: Пятница, 24 мая, 9:45

Сара, привет!

Получила твое заявление об уходе. Давай начистоту: я знаю, что ты еле тянешь свои задачи по купонам, но вот тебе ценный совет от зумера – бегство не окупается, особенно в твоем возрасте. Я стала супервайзером второго уровня всего за две недели в фирме отнюдь не потому, что она принадлежит моему дяде. Я заслужила место руководителя, потому что понимаю, как важно предлагать простым людям качественный продукт. Рынок труда нынче суров, и если ты готова растаять от любого пустяка, то кончишь тем, что будешь

заполнять пакетики картошкой в «Сонике», так и не съехав от родителей. (Да, я еще живу с мамой и папой, но мне двадцать один, и мы с Роджером собираемся очень скоро съехаться.)

«Клевые купоны» жгут во всю мощь, очень жаль, что для тебя тут слишком жарко.

Удачи.

Зо

Старший супервайзер проекта
«Клевые купоны Инт»

От: Тесса Талберт

Кому: Сара Грейсон

Дата: Пятница, 24 мая, 13:20

Тема: Заявление об уходе

Дорогая Сара!

Спасибо, что заглянули в офис. Я вполне понимаю, что вам необходимо сделать перерыв по личным причинам. Я поговорила с советом директоров. К сожалению, мы не можем держать для вас вашу позицию, пока вас нет. Вы можете снова подать заявление на вашу позицию, но не гарантирую, что на момент вашего возвращения мы сможем найти для вас классы.

Позвольте еще раз выразить соболезнования по поводу потери вашей матери. Возможно, во время отсутствия вы сможете хотя бы немного писать. Иногда это очень целительно.

С наилучшими пожеланиями,

Тесса

Завкафедры академической литературы
Университет Мэриленда, Колледж-парк

Текстовое сообщение, пятница, 24 мая, 14:18

Бинти

Спасибо, что рассказала мне все за ланчем. До сих пор в себя не приду. Как выразился бы старик Воннегут: «Экскременты влетели в вентилятор»⁴. Ни слова никому не скажу. Я всегда рядом, если буду нужна.

От: Люси Гленн-Келли

Кому: Сара Грейсон

Дата: Пятница, 24 мая, 15:01

Тема: Следующий шаг

Спасибо за имейл, милая. На следующей неделе мы с Лией навещаем нашего сына в Вашингтоне. Могу и с тобой заодно встретиться. Судя по письму, ты в легкой панике. Сделай глубокий вдох. Помни – идеи таятся повсюду и ждут готового увидеть их партнера. Откройся вселенной.

Намасте,

Люси

Старший редактор, «Айрис Букс»

Текстовые сообщения, пятница, 24 мая, 15:31

Сара:

⁴ Цит. по роману «Фокус-Покус» Курта Воннегута (пер. Маргариты Ковалевой).

Что значит – открыться вселенной? Как-то не очень себя чувствую. От капкейков только хуже.

Анна:

Сколько ты съела?

Сара:

Неважно. Меня только что вырвало. По-моему, вселенной плевать.

Анна:

Ты там как? Мы едем на Дип-Крик. Сейчас же длинные выходные, в понедельник День поминовения. Ты в курсе, что это длинные выходные? Доберемся до места, позвоню.

Текстовое сообщение, пятница, 24 мая, 18:42

Анна:

Доехали до Дип-Крик. Сара, почему не берешь трубку? Сара? С тобой все хорошо?

* * *

Она поставила последнюю упаковку с капкейками на крыльцо соседям и поехала напрямик к маминому дому. Думать о том, как в этом доме сейчас одиноко, времени не было. Прихватив пустую коробку, она решительно прошествовала в кабинет Кассандры, где все еще царил полнейший разгром после Сариных попыток найти книгу, которую она подрядилась написать. Четыре первых тома «Эллери Доусон» были выложены в ряд на письменном столе Кассандры, а с ними – пять томов серии «Мейс Келлер». Сара смела все девять книг в коробку и устремила к кладовке.

Там она выбрала диски с записями интервью, данных ее матерью всевозможным журналам, на конференциях и книжных ярмарках. Бинти считала, это все должно помочь Саре с написанием книги. «Залезь в голову твоей матери!» Анна уже послала Саре ссылки на онлайн-лекции, речи и два выступления TED-talk.

Сара запихнула коробки в машину и двинулась обратно домой.

Поставив в микроволновку энчиладу с курицей, она вытащила коробку со своими старыми пособиями для начинающих писателей. Сложила их стопкой на кофейном столике в маленькой гостиной рядом с ноутбуком и большим блокнотом из желтой бумаги. Переделась в самый мягкий свитер, легинсы и еще одну пару маминых носков и удобно устроилась в бирюзовом кресле, которое Майк подарил ей на день рождения два года назад специально для чтения. Он утверждал, что выбрал его совершенно самостоятельно, но Сара знала – на самом деле выбирала Анна. Однако она все равно любила это кресло. Нечастыми хорошими вечерами они сидели в нем вдвоем с Майком в обнимку, глядя по Си-эн-би-эс его любимые бизнес-отчеты. Правда, Майк не умел сидеть спокойно. Обычно досматривал программу он, уже стоя за черным кожаным диваном, скрестив руки на груди.

Микроволновка запищала, и Сара принесла энчилады к креслу. Горячие – пар валил, картонка покорицеувела по краям. Наверняка она нагревала их дольше, чем надо было. Ну и неважно. Кроме капкейков вся еда последнее время казалась одинаковой на вкус.

Откусывая от обмякших лепешек с жесткими, плохо жующимися краями, Сара делала пометки в блокноте. К концу обеда она составила примерный план работы по времени, а потом снова устроилась поудобнее и открыла первую книгу. «*Эллери Доусон. Большой маленький мир*».

Глава 10

*Любой миг проживается дважды:
внутри и снаружи – и это две совершенно разные истории.*
Зэди Смит

Настал вечер Дня поминовения, и Сара только что дочитала четвертую книгу. Она целый час просидела в бирюзовом кресле, не пошевелившись, прижимая книгу к груди. Ей вспоминалась весенняя поездка с мамой в Нью-Йорк, когда ей было четырнадцать. Они сидели на скамейке в Централ-парке недалеко от фонтана Бетесда. Какая-то женщина играла рядом на арфе, а они с мамой ели из одного пакетика жареный и посыпанный корицей миндаль.

– Ты когда-нибудь слышала про социальную теорию под названием «шесть рукопожатий»? – спросила Кассандра.

– Не-а.

– Собственно, в основе лежит мысль, что практически любой человек на земле может найти связь с любым другим человеком не больше, чем за шесть шагов. Например, можно проследить связь от какого-нибудь рыбака в Камбодже до... этой женщины с арфой, а от нее до... президента Соединенных Штатов.

– Ты имеешь в виду кровное родство?

– Нет-нет. Просто обычные социальные взаимоотношения. Знакомства. С помощью этой теории можно проследить, как один человек связан с другим – как звенья в цепи.

– Хм-м. – Сара была заинтригована. – Так что продавец, у которого я купила хот-дог перед входом в музей, может оказаться лучшим другом нашего физика, мистера Голдинга.

– Именно... А отец мистера Голдинга, вполне возможно, был учителем в Де-Мойне и учил девочку по имени?..

– Катя. – Сара обожала сочинять истории вместе с мамой. – А у венгерской кухни Кати был роман с оперативником КГБ, который приходится братом Владимиру Путину.

– Молодец, Сара. Вот ты и нашла, что тебя от Путина отделяют всего шесть рукопожатий. Наверное, стоит пригласить его на День благодарения.

– Путина – ладно, лишь бы не нашего физика.

Обе засмеялись.

– Иногда рукопожатий всего одно или два. На такие натыкаешься сплошь и рядом. Они занятнее, и проследить их легче. Иногда, глядя на прохожих, я гадаю – как мы с ними связаны, через сколько звеньев? Вон тот крутящий педали мужик запросто может оказаться братом Ронни Штольца, моей большой любви в шестом классе.

– Или самим Ронни Штольцем.

Они снова расхохотались.

Кассандра вздохнула.

– Я часто гадаю, как нам жилось бы, если бы кто-то умел сразу устанавливать эти связи. Мгновенно определять все звенья цепочки между мной и велосипедистом. Правда, интересно бы было? Ну то есть в этом мире вместе с нами живет шесть миллиардов людей. Разве не здорово было бы знать, как именно мы все связаны? А представляешь, если бы этот кто-то еще и степени эмоциональной связи умел видеть?

– Ну-у. Интересно, да, но как «суперспособность» – какое-то убожество. В смысле и что хорошего такой человек мог бы с этим талантом делать? Ну, кроме того, что знал бы всякое интересное про тучу народа. Все равно, что тонна знаний ни о чем.

– А вот тут ты не права. Что, если только что ограбили банк, а человек с таким даром может сообщить ФБР, как именно подозреваемый, которого они задержали, связан одновременно с управляющим банка и главарем мафии?

Сара распахнула глаза.

– Ой, да! Мне и в голову не пришло. Например, если была террористическая атака, такой человек мог бы выявить все связи террористов, да? Или если в ЦРУ пробрался шпион, человек с таким даром мог бы понять, что связывает его со злодеями.

– Видишь, Сара. Ты уже рассуждаешь как писатель. Может, я воспользуюсь этой идеей. Или ты.

Сара захихикала. Кассандра протянула ей последний орешек.

– По-моему, знание чьих-то социальных связей тоже может оказаться крайне любопытным. Полезным... возможно, даже опасным.

Сара пожала плечами.

– Очень уж сложно. Надо как-то попроще объяснить. И как этот дар проявлялся у твоего персонажа – с самого детства? И как он свой талант испытывает – типа Питера Паркера, который пробует силы?

– Кто знает? Мне, например, интересно – такой человек будет визуализировать эти звенья или просто испытывать какие-то конкретные ощущения? Или слышать голоса? И как эта информация будет обрабатываться у него в голове?

– И можно ли эти способности усовершенствовать практикой?

Кассандра засмеялась и стиснула руку дочери.

– Понятия не имею – пока.

* * *

Прижимая к груди четвертую книгу про Эллери Доусон, Сара вновь переживала тот день. В этих книгах она нашла ответы на все вопросы, которые задала маме. Кассандра наделила Эллери тем самым даром, который они обсуждали, и назвала его «социальное картографирование». При помощи этого таланта Эллери стала крутым агентом ЦРУ.

Сара глубоко вздохнула и положила последний том на столик перед собой.

Ей вспомнилось, какими глазами смотрела на нее Шер Фокс на премьере, как она схватила Сару за руку и умоляла рассказать, что случится в пятом томе с отцом Эллери. Сара забралась глубже в кресло, накрытая отрезвляющим пониманием, что ответы на все эти вопросы теперь предстоит найти ей.

В дверь позвонили. Гэтсби залился восторженным лаем. Вошла Анна, чуть обгоревшая после выходных на Дип-Крик. В руках она держала коричневый бумажный пакет из «Хоул Фудс».

– Ты как? – спросила она, остановившись перед Сарой. – С виду – чистый зомби.

– Только что закончила четвертый том.

– А-а-а. – Анна помахала рукой перед остекленевшими глазами Сары и плюхнула ей на колени пакет. – Давай. Тебе надо поесть.

Сара покорно потащилась следом на кухню, все тело у нее задеревенело. Анна принялась вытаскивать пластиковые контейнеры со свежими фруктами и овощами, нарезанными и готовыми к употреблению.

– Давай, поставь в холодильник, – велела она Саре.

– Ну и зачем мне столько всего?

– Думаешь, я тебя не знаю? – Анна-Кат подняла крышку кухонного ведра и показала на картонки из-под замороженных блюд и розовые коробки из-под капкейков. – Ну, так я и думала. Еще и воняет.

Она вытащила из ведра пластиковый пакет с мусором, завязала и сунула Саре.

– Между прочим, я как раз сама собиралась вынести. И кстати, в замороженной еде никаких консервантов. Очень даже полезно.

– А я тебе принесла всякого свежего в дополнение к твоему фестивалю полуфабрикатов. Все уже порезанное, очень удобно.

Сара наклонила шею вбок, стараясь избавиться от одеревенелости.

– Ты обо мне слишком переживаешь, но все равно спасибо.

Она поцеловала Анну в щеку и ногой отодвинула пакет с мусором с прохода.

Они вышли во двор и уселись вдвоем на широких качелях. На улице было тепло и влажно. Сара прихватила с собой коробочку манго – «упаковано Нэнси, свежайшее». Анна прихлебывала чай со льдом.

– И что у тебя теперь на очереди? – спросила Анна.

– В пятницу встречаюсь с Люси, маминым редактором. Она на этой неделе в городе, так что мы собираемся слегка набросать общий план. И плюс она обещала собрать все, что они с мамой обсуждали по поводу пятой книги.

– Отличное начало.

Сара отпила из стакана Анны.

– Ты права насчет серии. Лучшее из написанного мамой. Однозначно.

Анна улыбнулась и прижала холодный стакан к плечу.

– А я тебе говорила!

– Сперва мне нужно придумать примерные сцены. Люси хочет, чтобы роман развивался как сценарий. То есть сперва описываешь все те моменты, которые тебе ярко видятся, а потом расставляешь по ключевым сюжетным точкам.

– Отличный подход, мне нравится. – Анна-Кат кинула в рот кусочек манго из Сариного пакетика. Сара протянула ей миску. Качели неторопливо покачивались взад-вперед.

– Анна, что мне делать с отцом Эллери? В конце четвертой книги они с ним тайно встречаются на аллее возле конспиративной квартиры. Его уже подозревают в шпионаже, он выразительно смотрит на нее и говорит: «Элли, в любой истории всегда кроется больше, чем кажется на первый взгляд».

Анна откинула голову назад.

– Ох, прямо сердце разрывается.

– Потом он говорит, что всегда будет ее любить, и растворяется в ночи. А через неделю рядом с отелем в Москве происходит страшный взрыв, и кажется, что он погиб, – но стопроцентной уверенности нет.

Анна прижала кулак к сердцу.

– О да. От этой сцены меня каждый раз пробирает.

– Но теперь мне надо со всем этим разобраться. Мне. Решаю – я.

Анна медленно выдохнула.

Сара опустила ногу, останавливая качели, и повернулась лицом к сестре.

– А ты не думаешь, что Питер Доусон – предатель? Ну то есть вроде бы все улики на то указывают, но ведь именно он помог Эллери развить ее дар, и он чудесный отец, и патриот... не может же он оказаться таким гнусным предателем? Должно быть какое-то объяснение.

– Сара, ты же знаешь, не бывает исключительно хороших и исключительно плохих людей. Все всегда сложнее. Можно быть замечательным отцом, но делать гадкие вещи. Хотя Питер Доусон сделал много хорошего, но я бы ему доверять не стала. И в любом случае – нельзя, чтобы в книге все-все заканчивалось однозначно хорошо. Это же тебе не серия «Полного дома»⁵.

⁵ «Полный дом» – американский ситком конца 80-х – начала 90-х годов про отца-одиночку, который с помощью друзей

Сара снова откинулась на спинку качелей.

– Ты права. А что с отношениями Эллери и Брукса? Какие-нибудь идеи, кроме как мне самой за него выйти?

Анна оттолкнулась ногой от пола, чтобы раскачаться чуть посильней, и хмыкнула.

– По-моему, о чем о чем, а ни о каком замужестве ты и не думаешь.

Она вернула Саре пакетик.

– Мне бы дар Эллери точно пригодился бы. Она-то от Майка сбежала бы в первую минуту знакомства. – Она на миг прикрыла глаза. – А вдруг я и в следующий раз не замечу никаких тревожных признаков? Снова наступлю на те же грабли? Какой же я была дурой.

Анна склонила голову к голове Сары.

– Задним числом всегда все иначе видится.

Сара кивнула и быстро смахнула слезы с глаз. Наколола на вилку новый кусочек манго и махнула им в сторону сестры.

– Знаю! В пятой книге я вытащу Эллери из ЦРУ и сделаю лучшей в мире журналисткой, пишушей о светских сплетнях. Представляешь? Варианта лучше и не придумаешь!

Анна рассмеялась и приподняла стакан.

– За Сару Грейсон – в роли Господа.

Телефон Сары загудел – пришло сообщение. От Люси.

«Можешь встретиться завтра вместо пятницы? Возникли осложнения, надо обсудить».

Сара показала экран Анне-Кат. Та потрепала ее по колену.

– Уверена, все будет хорошо. Люси тебе поможет.

Сара отставила упаковку с фруктами. У нее пропал аппетит.

Глава 11

*Каждое утро я выпрыгиваю из постели
и наступаю на мину. Мина – это я.
После взрыва я весь остаток дня
старюсь собрать куски воедино.*

Рэй Брэдбери

Сара встретила Люси в любимом кафе Кассандры – в центре Бетесды, напротив книжного магазина «Барнс энд Ноубл», в витрине которого красовался огромный плакат с Эллери Доусон. Усаживаясь за столик в патио, Сара мельком покосилась на Эллери. Шер Фокс на постере казалась какой-то зловещей и смотрела на посетителей с обычным своим выражением «со мной шутки плохи». Сара пересела на другое место, чтобы не видеть ее.

Люси примчалась с опозданием, одетая так, словно наспех купила себе наряд в сувенирном магазинчике аэропорта в Дели. Тонкие длинные бусы во много рядов, звенящие браслеты, яркие юбка и топ на бретельках.

Она села, запыхавшаяся и заметно нервничающая.

– Все в порядке? Твое сообщение меня слегка напугало, – спросила Сара.

– Давай закажем завтрак, и я все объясню.

– Все?

Что-то явно было не в порядке.

Слегка дрожащим голосом Люси заказала чай с ромашкой и вегетарианский сэндвич с авокадо. Сара последовала ее примеру.

– Так... что происходит?

Люсь нервно огляделась по сторонам. Увидев постер с Эллери, она закатила глаза.

– Силы небесные, везде эта женщина. – Отвернувшись от Эллери, она вытащила большой конверт. – Ситуация слегка осложнилась.

– Осложнилась?

Люси откупорила баночку мятного эфирного масла и медленно вдохнула.

Сара вздохнула.

Люси накрыла ее руки ладонью.

– Джейн Харнуа назначила тебе нового редактора. Его зовут Бенедикт Китчер. Собственно говоря, она попросила меня впредь не обсуждать с тобой «Эллери Доусон». Она очень скоро сама напишет тебе об этом всем, но я должна была сама тебе сказать.

Сара не могла толком вздохнуть. Должно быть, она ослышалась.

– Это что, шутка?

Люси покачала головой. Нижняя губа у нее дрожала.

– Его зовут Бенедикт Китчер...

– Китчер?

– Китчер. Он у нас недавно. Я его почти и не знаю.

– Ерунда какая-то. Ты же редактировала две последние книги «Эллери». С какой бы стати Джейн давать мне другого редактора? Мой успех – это же и ее успех, да ведь? Ну то есть я знаю, что мы не очень поладили, но в «Айрис» все равно должны хотеть, чтобы у меня получилось.

– Сара, у меня сложилось ощущение, что Джейн видит это иначе. Хм-м-м. Как бы сказать? – Она спрянула выбившуюся прядку волос за ухо. – Джейн считает тебя угрозой франшизе. По контракту она обязана дать тебе попытаться написать книгу – но ни на минуту не думай, что она желает тебе успеха.

– Не понимаю. Ведь мой успех означает успех и для «Айрис».

– Никому не рассказывай, что я это сказала, но... – Люси оглянулась, а потом перешла на шепот: – Она надеется, ты откажешься от этой затеи. Ну, понимаешь, бросишь еще до дедлайна, так что она сможет сама выбрать автора.

Сара прижала пальцы ко лбу. Ей казалось – под полом кафе прямо сию минуту формируется карстовая воронка.

Лицо у Люси вытянулось.

Сара покачала головой.

– Без вас мне этой книги не написать.

Люси стиснула ее руку.

– Мне так жаль. Я долго билась с Джейн, но, честное слово, больше ничего не могу поделать. – Она понизила голос: – У нее все чакры закрыты.

Она подтолкнула к Саре конверт.

– Тут все, что мне запомнилось из обсуждений пятой книги. Я даже заставила Лию, мою жену, записать, что она сумела вспомнить о наших долгих прогулках с Кассандрой, когда та у нас гостила. Все тут. – Люси теребила бусы. – И пожалуйста, не рассказывай Джейн, что мы встречались.

– Конечно, но мне-то теперь что делать? Как я хоть в чем-то продвинусь без поддержки «Айрис»?

Люси стиснула руки Сары с такой силой, что той стало больно.

– Фил Дворник. Ты же знаешь, он редактировал первые две книги серии, да и еще с дюжину других книг твоей мамы. Он знает «Эллери Доусон» как никто другой.

Сара осторожно высвободила руки.

– Скорее всего, он за этим всем и стоит. Это же он принял Джейн на работу.

– Фил уже много месяцев как не вникает в дела «Айрис Букс». Его совершенно подкосило известие о диагнозе твоей мамы, и, насколько мне известно, ее смерть он перенес не очень хорошо. Ты же знаешь, как они были близки.

– С ней – но не со мной. С какой стати ему мне помогать?

– Учитывая историю его отношений с твоей мамой, думаю, он согласится. Хотя он и вышел на пенсию два года назад, место в совете директоров все еще за ним.

Сара запустила пальцы в волосы.

– Вы не знаете, что предлагаете. Фил считает меня отвратительным писателем.

– Мы все знаем, что Фил чуточку несдержан на язык.

– Да по сравнению с ним и Гордон Рамзи – Саванна Гатри ⁶.

Глаза Люси мечтательно затуманились.

– Он сильно изменился. Знаешь, я ведь и редактором твоей мамы стала лишь потому, что Фил ее обожал.

– Не вижу связи.

Люси терпеливо вздохнула.

– Понимаешь, они вместе были невероятно хороши – идеальная команда автор-редактор. Именно о таком сотрудничестве, синергической энергии, мечтает любой редактор. Однако оно порождает и некоторое напряжение, неизбежно влияющее на личные отношения. И вот два года назад Фил предпочел Кассандру-женщину Кассандре-автору и отстранился от работы в «Айрис Букс». Тогда-то он и поставил во главе Джейн, а я стала редактором Кассандры. – Люси негромко рассмеялась. Взгляд ее смягчился. – Великий Фил Дворник наконец нашел человека, которого любил больше издательства. Кто бы мог подумать.

⁶ Гордон Рамзи – британский шеф-повар, ведущий многих британских и американских кулинарных шоу. Известен бурным темпераментом и несдержанной манерой речи. Саванна Гатри – американская журналистка, телеведущая и юрист.

Сара, прищурившись, смотрела на Люси, недоумевая, как здравомыслящий человек вроде нее способен настолько исказить факты. Она эти отношения описывала бы совершенно иначе. Ну да, все знали, что у Фила и ее матери десять лет назад был роман. Бла-бла-бла. Но продлился этот роман совсем недолго. Они расстались вскоре после того, как Фил разгромил первую книгу Сары. И мама ушла из «Айрис», сочтя невозможным для себя работать с Филом дальше.

Ну да, конечно, они снова начали проводить время вместе, когда Кассандра вернулась в «Айрис Букс» с «Эллери Доусон» четыре года назад, но – ради всего святого! На историю великой любви как-то не тянет. Неужели в наши дни уже не принято проверять источники информации?

– Дорогая, Фил – это лучшее, на что ты сейчас можешь рассчитывать.

Сара чуть не заплакала прямо тут, за столиком, но не хотелось расстраивать Люси еще сильнее. Люси не виновата, что работает на неуравновешенную особу, которая перебарщивает со средствами для укладки волос.

– Я подумаю насчет работы с ним, ладно?

– Правда? – просияла Люси.

«Да ни за что в жизни», – подумала Сара, но вслух не сказала. Придется искать помощь где-нибудь еще. А может, новый редактор и правда окажется хорош.

Она глубоко вдохнула.

– Как-нибудь разберусь, – заверила она Люси и потрепала ее по руке. – Все будет хорошо. Честное слово.

Люси, видимо, полегчало. Пока официант упаковывал ее вегетарианский сэндвич, чтобы она забрала его с собой, она поделилась с Сарой какой-то невразумительной индийской поговоркой о птицах на пруду. Когда она наклонилась обняться на прощание, ее бусы коснулись лица Сары.

Сара осталась за столиком одна. Вытащив из начинки красный лук, она пару раз откусила от сэндвича и положила его обратно. Где тут авокадо? Она же заказывала с авокадо.

Она открыла конверт. Там оказалось всего пять страниц. Почему всего пять? Как будто мало того, что мама из загробного мира требует от него невозможного, так не могла она, что ли, оставить что-то большее, чем жалкие крошки? Собравшись уходить, Сара снова увидела распроклятый плакат с Эллери в витрине с другой стороны улицы.

Она решительно зашагала к «Барнс энд Ноубл», а там – прямоком к кассе. Судя по бейджику, кассира звали Джереми П. Загорелый, с россыпью юношеских прыщей – у нее в классе он бы, наверное, писал сочинение о том, что неумеренное увлечение компьютерными играми не оказывает негативного влияния на социальную жизнь.

– Сколько за тот плакат с Эллери Доусон с витрины?

– Простите, мэм. Наши плакаты не продаются.

– Ну разумеется, продаются. Все продается.

– Э-э-э. Ну, на самом деле, не все. – Он почесал за ухом и поправил бейджик на футболке поло. – Э-э-э-э, наш менеджер, Рамона, она вернется через пятнадцать минут. Попробуйте поговорить с ней.

– Совершенно незачем вовлекать в это Рамону, – дружески сказала Сара. – Сколько будет стоить снять плакат вообще? Слишком уж он велик, многих просто раздражает. И знаете ли вы, что у Шер Фокс на губах простуда?

– Кто такая Шер Фокс?

Сара наклонилась через прилавок.

– Джереми П., вам надо почаще выходить в люди.

– Что-что?

Сара вытащила бумажник. Сколько?

– Сто долларов? Двести? – Она понизила голос и перешла на шепот: – Я заплачу вам лично, мимо кассы. – Она подмигнула. – Вы же можете устроить, чтобы плакат просто свалился сам, совершенно случайно, правда?

Переговоры прервал дружеский голос:

– Сара? Так и думал, что это ты. Как дела?

Повернувшись, она увидела, что к ней направляется Дэвид Оллман – в обычном своем черном костюме и с «Самоучителем походного каякинга для начинающих» в руках.

Торопливо махнув ему рукой, она снова повернулась к уставившемуся на деньги у нее в руках Джереми и проворно сунула ему купюры. К несказанной ее радости, Джереми быстро спрятал деньги и кивнул ей. Может, парнишка не так уж и безнадежен.

Она повернулась к Дэвиду.

– Привет. Смотри, у Джереми П. как раз касса не занята. Он, э-э-э, просто кое с чем мне помогал, да, Джереми?

Дэвид заплатил за книгу, и они остановились перед магазином поболтать.

– С тобой все в порядке? – спросил Дэвид. – Вид у тебя какой-то взволнованный.

– Собственно говоря, нет, со мной не все в порядке. Люси Гленн-Келли только что сообщила мне, что Джейн Харнуа передала меня какому-то фиговому редактору по имени Бенедикт Китчер. Что за имя такое? Звучит скорее как... как какой-то домовый эльф.

– Джейн сменила редактора? И как она это объясняет?

– Никак – кроме желания меня выжить. А она вообще имеет право так менять редакторов – если по закону?

– Я пересмотрю условия контракта и свяжусь с тобой.

Сара покачала головой.

– И что мне теперь делать?

– Ну, покажи ей, чего ты стоишь.

– Чего я стою? Предполагалось, что Люси мне поможет распланировать весь сюжет.

– Тогда спроси себя, а как бы поступила твоя мама, – и берись за работу.

– Ты знаешь какие-нибудь индийские пословицы? На них я живее откликаюсь, чем на практические советы.

– Гм. Воля не знает препятствий?

Сара приподняла брови.

Дэвид пожал плечами.

– Кстати, помнишь ту старую белую магнитную доску, на которой твоя мама расчерчивала планы своих первых книг? Может, пора ей снова увидеть свет? Помню, твоя мама брала маркеры и разноцветные карточки – и передвигала их по доске, прикидывая разные варианты.

– Ты мой юрист – или консультант по писательскому мастерству? Типа как Джон Гришэм?

– Просто подумал.

В витрине вдруг что-то оглушительно затрещало. Оба подпрыгнули. Огромный плакат с Эллери Доусон валялся на полу. Стоявший в витрине Джереми неуклюже показал Саре два поднятых больших пальца, что не ускользнуло от внимания Дэвида.

– Это он о чем?

Сара улыбнулась. При виде поверженного плаката ее охватило легкое головокружение.

– Сара... ты что?..

– Отличная идея с доской, Дэвид. Здорово поговорили. Мне пора.

И она заторопилась через улицу к парковке.

Где, интересно, ее искать, эту доску?

Глава 12

*Писатель пишет в одиночестве.
Это профессия для интровертов,
которые хотят рассказать вам историю,
но не хотят при этом смотреть вам в глаза.*
Джон Грин

От: Джейн Харнуа
Кому: Сара Грейсон
Дата: Вторник, 28 мая, 15:32
Тема: Восхитительные новости от «Айрис»!
Дорогая мисс Грейсон,

С неимоверным восторгом представляю вам вашего нового редактора, мистера Бенедикта Китчера. Мистер Китчер сотрудничает с «Айрис» уже пять лет и поможет принести в серию «Эллери Доусон» новый взгляд. Разумеется, ваш успех – это наш успех, и вы всегда можете рассчитывать на то, что «Айрис Букс» поможет вам написать самую лучшую книгу, на какую вы только способны, несмотря на нынешние ваши ограничения.

Джейн Х. Харнуа

Президент, «Айрис Букс Пабблишинг»

От: Сара Грейсон
Кому: Дэвид Оллман
Дата: Вторник, 28 мая, 17:07

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.